

ПОЛЯРНАЯ СТРОГАНИНА

СЕРГЕЙ ДВОРЕЦКИЙ

18+

Сергей Дворецкий

Полярная строганина

«Де'Либри»

2026

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Дворецкий С.

Полярная строганина / С. Дворецкий — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3187-4

Четверо вчерашних студентов МИИГАиК отправляются в свой первый полевой сезон на Крайний Север. Их ждёт Арктика — суровая, прекрасная и смертельно опасная. Ураган в дельте Лены, шторм в море Лаптевых, три недели голода на острове Котельном, лютые пурги и загадочная Белая Мгла. Им предстоит научиться выживать там, где ошибаться нельзя. Добывать дичь, ловить рыбу, побеждать «зов полярной звезды» — и не сойти с ума от одиночества. Эта книга — честный и увлекательный рассказ о настоящей мужской дружбе, о том, как мечта превращается в испытание, а испытание — в судьбу. Арктика не прощает слабости, но навсегда одаривает тех, кто сумел её понять.

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-3187-4

© Дворецкий С., 2026
© Де'Либри, 2026

Содержание

Дворецкий С.	6
Предисловие	8
Завиток первый. Наташа	13
Завиток второй. Дорога в Арктику	40
Завиток третий. Тікси	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Дворецкий

Полярная строганина

© Дворецкий С., текст, 2026

Моим любимым – жене и сыновьям

Дворецкий С. Полярная строганина

Повесть Сергея Дворецкого рассказывает о четвёрке свежеиспечённых выпускников МИИГАиК: их жизни, работе и удивительных приключениях в первый полевой сезон на Крайнем Севере.

Им предстояло пережить ураган в дельте Лены и шторм в море Лаптевых. Недавние студенты научились добывать дичь, рыбу и оленей для пропитания в тундре. Ребятам пришлось три недели голодать, на острове Котельном; выбраться живыми из лютой, беспощадной пурги, попытаться понять Белую Мглу; уклоняться от встреч с белыми волками и победить зов полярной звезды – меряченье.

Здесь в Арктике они научились любить бескрайнюю тундру, усеянную бирюзовыми капельками мерзлотных озёр – кюеле, наслаждаться дарами мимолётного северного лета: нежными полярными маками, золотистыми песчаными барханами на берегу залива Сала-Кюель, несмолкаемым гомоном пернатых обитателей и ощутить «Сердцебиение Арктики», наблюдая за леммингами – основой жизни на крайнем севере.

А ещё, герои повести были очарованы безбрежным белым привольем скованного льдами Великого Северного океана, освещённого семью солнцами. Им удалось насладиться зрелищем полыхающей мистерии Северного Сияния; наблюдать миграцию миллионной стаи белых куропаток и многотысячного стада карибу.

Молодым ребятам посчастливилось увидеть и поразиться неземной красоте, пожалуй самой редкой птицы на земле – Розовой Чайки – Птицы Капитана Росса.

А когда, казалось, что их жизнь висит на волоске, тишину Белого Безмолвия от края до края разорвал весёлый лай ездовых собак и в их судьбу вошёл замечательный человек – охотник Васильев.

Он оказался неистощимым источником знаний о Севере, а ещё заботы и доброты.

Свела судьба юных геодезистов и с отважными лётчиками арктической авиации, порой такими беспечными, но если нужно, то бесстрашными спасителями потерявших надежду полярников. За полгода жизни в Арктике недавние студенты повзрослели и возмужали, а ещё искренне полюбили Север, а точнее были околдованы им на всю жизнь – это «Полярка»; это навсегда, словно неисцелимая сила Первой Любви!

МОИМ ДРУЗЬЯМ – ПОЛЯРНИКАМ

ушедшим и живущим ныне:

– Александру Орлову

– Наташе и Аркадию

– Охотнику Васильеву

ОСТАВАЙТЕСЬ СО МНОЙ НАВСЕГДА!

Предисловие

Память – удивительный дар человека. Порой всплывают неясные воспоминания давно ушедшей юности. Аккуратно выуживаешь их, словно унибром¹ из кюветы. В закатном свете фонаря ожидаешь чуда... Неспешно возникают забытые детали, оживляя страницы молодости, которые ты не мог вспомнить десятки лет. А если что-то безвозвратно утеряно, то поможет воображение, навеянное вдохновением. И вот ты снова там, в пронзительной ушедшей юности... Снова полыхает душа, неистово колотится сердце, ты смеёшься, ты плачешь... Потрясающий дар человека – память!

¹ Унибром – самая популярная фотобумага в СССР.

Все изложенные в этом повествовании события действительно произошли на Крайнем Севере в далёком 1973 году, где чета астрономов и мы с другом впервые оказались в составе геодезической экспедиции. Невероятные совпадения в пространстве и времени, а также удивительные природные явления изложены мной правдиво, за исключением историй, описанных в полярных байках.

Это не дневники и не путевые заметки, скорее, повесть, которая рождалась по неведомым мне законам, поэтому незначительные детали, переживания участников, их взаимоотношения, мои ощущения и прочий арктический флёр могли быть немного изменены: я их помню такими сейчас, спустя пятьдесят лет.

Эти завитки полярной строганины всплывали в моей памяти в непонятной для меня последовательности: где-то следуя один за другим, а подчас перемешиваясь во времени. Каждая глава – это отдельная история, самостоятельный рассказ; и я решил: пусть так и будет!

Мне повезло: я видел множество незабываемых красот в разных странах мира, но Арктика, будто первая любовь, неугасимо полыхает в моём сердце, оживляя для вас это удивительное большое путешествие.

«Достав свой острый, как бритва, охотничий нож, я стал неторопливо снимать полупрозрачные завитки оленины. Настрогав небольшую горку, положил одну стружку в рот, первый раз в жизни попробовав полярную строганину. Это было странное, неизведанное ощущение. Завиток растаял, оставив на языке удивительный вкус Арктики. Брал то сверху, то снизу, и, может, именно поэтому они имели разное звучание, заставляя меня отправлять на язык следующий, затем ещё и ещё...»

Завиток первый. Наташа

Я проснулся от голода: острая резь в животе, гадкая, словно с похмелья, тошнота. Казалось, все силы впитались в холодный, сыроватый спальник. Не было желания подниматься ни сейчас, ни позже.

Я открыл глаза: северный рассвет пробивался сквозь маленькое оконце и освещал зимовье несмелым ещё, холодным, рассеянным светом.

Прямо передо мной была бревенчатая стена с обрывками когда-то весёленьких обоев в мелкий цветочек. Меня замутило, и я с усилием повернулся на спину. У моих ног на гвозде висела ижевка шестнадцатого калибра. Она перешла мне от старшего брата, который в детстве мечтал стать лесничим, а золотым ключиком в это блестящее будущее стало охотничье ружьё, подаренное родителями в день его двенадцатилетия.

Приподняв голову, я увидел Наташу, лежавшую на кровати под окном у соседней стены. Она спала на спине, и черты её лица так истончились, что меня охватила паника, но рука мужа обняла её, и она слегка застонала.

В её изголовье висела потрясающая бескурковка «Зауэр три кольца»² с облегчёнными стволами. Это был штучный экземпляр, подаренный отцом к первой экспедиции.

На мой взгляд, место этой двустволки было не в охотничьей избе на мысе Лебединского острова Котельного, а в Оружейной палате Московского Кремля или в Эрмитаже.

Более красивого оружия я никогда не видел. Приклад и ложе были выполнены из светлого красно-коричневого дерева, покрытого многочисленными слоями лака, а затем тщательно отполированного – не до зеркального блеска, а до состояния лёгкой дымки, напоминающей некрикливые камни, которые носили изящные аристократки королевской крови, хорошо знающие себе цену.

Накладки затворной коробки, рычаг открывания стволов, защитная скоба спусковых крючков и даже сами стволы (которые не были чернёные, а имели благородный серо-угольный цвет) на протяжении двадцати сантиметров от казённой части были покрыты поразительно изящной, необыкновенно тонкой гравировкой с вкраплением золота.

Словом, это было произведение неизвестного брата Антонио Страдивари, который занялся оружейным делом и добился не меньшего успеха, чем его всемирно известный родственник, являвший свету бессмертные скрипки.

Я никогда не просил это оружие на охоту или просто пострелять, хотя мне вряд ли отказали бы: ребята считали меня лучшим охотником. Эта двустволка была для меня предметом поклонения. Я только изредка брал её, любовно разглядывал изысканные формы и гравировку, нежно гладил и бережно вешал на место. Наконец я нашёл силы повернуться на левый бок и увидел Тёсу Маленького – Сашу. Он свернулся калачиком и озабоченно бормотал во сне.

Три недели назад мы сидели в Тикси, вернувшись из дельты Лены, с острова Аргá-Му́бра-Сйсе³, где четыре с половиной месяца безуспешно пытались отнаблюдать астрономо-геодезический пункт на берегу залива Салá-Кюёль, который теперь называют озером.

Нас было четверо: исполнитель – Аркадий (Алик), помощник – его жена Наташа и рабочие – Тёса Маленький (Саша) и я.

² «Зауэр три кольца» – немецкое ружьё высшего класса; название происходит от клейма фирмы Kupp на стволах, ставшего символом безупречного качества.

³ Аргá-Му́бра-Сйсе – крупнейший остров в дельте Лены (Якутия), в переводе с якутского – «Остров северо-западных ветров».

Все мы в один год закончили МИИГАиК, только молодожёны – геофак, а мы с Тёсой – оптико-механический факультет.

Мы укладывали манатки и готовились завтра-послезавтра спецрейсом экспедиции вылететь в Москву.

Дел было невпроворот. Надо было собрать всё экспедиционное снаряжение, аппаратуру, надёжно упаковать астрономический универсал Wild, гигантский ящик с аккумуляторами весом сто сорок килограммов, остатки продуктов и полярные сувениры: вяленых чира и омуля – друзей порадовать в московском пивбаре, питьевой спирт, оленьи рога, обрезки бивней мамонтов, купленные в Тикси, и самое главное – торбасá, очаровательную зимнюю женскую обувь, изготовленную из оленьих камусов, подбитую микропорой, для слякотных московских зим.

Камусы – это часть шкуры оленя, снятая с его голени. Они обладают удивительной прочностью и завидной водостойкостью. Сама шкура оленя покрыта мехом, имеющим трубчатую структуру: он чрезвычайно лёмок и со временем выпадает даже после самой тщательной выделки. И только камусы и оленьи лобики обладают лучшими свойствами дорогого меха.

Выделывать камусы, сшить торбасá и посадить их на микропору нам удалось в небольшой мастерской в Тикси. Это были самые ценные сувениры для жён и любимых женщин, которые ждали нас в далёкой Москве.

И вот за несколько часов до запланированного спецрейса нас всех четверых, абсолютно неожиданно, в нарушение экспедиционной субординации, вызвал начальник экспедиции Левинтас – человек властный, твёрдый и прекрасно знающий все правила северной экспедиционной жизни, которые позволяли ему держать в подчинении специалистов, бродяг, романтиков всех сортов и даже бичей.

Принял Левинтас нас приветливо, поздоровался со всеми за руку, но сразу занял место во главе стола, тем самым отбрасывая всякое панибратство.

Мы вынуждены были сесть по длинным сторонам стола, поодаль от начальника, где и расположились по парам, словно за школьными партами.

Он полностью соответствовал своей фамилии: умные, твёрдые глаза, горбатый нос, курчавые волосы, очень мягкий, но уверенный голос. По внешности он напоминал мне великого Тая, да и было Левинтасу не более сорока.

Как бы подтверждая мою ассоциацию, он сразу начал агрессивную шахматную партию и, разыграв «Уничтожение защиты»:

– Аркадий, вы же не отнаблюдали ни одного пункта почти за четыре месяца...

Алик начал оправдываться, сослался на ужасную погоду и плохое снабжение. Однако Левинтас продолжил молниеносную атаку и выложил:

– Завтра днём улетает Ли-2 на остров Котельный, посадка на станции Тёмпа; далее бортом Ми-8 вас доставят на мыс Лебединского, к охотничьей избе – она пустует. Прогноз погоды великолепный: через пять, максимум шесть дней вертолёт заберёт вас назад. При такой погоде даже ваши рабочие отнаблюдают пункт за четыре дня. Хотя, впрочем, они не обязаны лететь. Найдём вам рабочих на Темпе или в Тикси бичей подрядим. Так как?

Вот оно – «уничтожение защиты». И не то чтобы мат, но полная безвыходность нашей позиции – я её нёбом ощутил. Шахматисты называют это цугцвáng...

Наташа растерянно и вопросительно посмотрела на нас. Аркадий от безысходности обрёл твёрдость и сказал, что они сработались с нами, а с другими рабочими ничего не выйдет и никуда они не полетят.

Всё просчитав, «гроссмейстер» посмотрел на меня. Я встал и решительно сказал, что мы готовы лететь с ребятами – столица подождёт.

Тёса улыбнулся и пожал мне руку под столом, а я почувствовал, что та акварель московской встречи, которую я видел так явственно ещё пару часов назад, медленно расплзалась,

смытая морозящим ледяным дождём, задумчивыми слезами, стекающими вниз по окну экспедиционного барака...

Затем Левинтас изложил давно подготовленные детали:

– Летите на пять-шесть дней, наблюдаете пункт и получаете зарплату за два месяца. Если не отнаблюдаете – зарплата всем за месяц. Нам необходим этот пункт: без него вся сезонная работа не ляжет. Возьмите минимум снаряжения и продуктов, городню⁴ для инструмента поставьте лёгкую, жить будете в избе. Оленей там полно, рыбу тоже наловите. Собирайтесь побыстрее, завтра в двенадцать – борт. Если что нужно докупить из продуктов, дуйте в магазин – это к ребятам, а Аркадий и Наташа – на склад: надо получить зимнее снаряжение, лыжи, санки. Карабин и цинку патронов получите у главного инженера – белых медведей там видели. Алик, получи аванс и распишись.

Это было второго сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

Немного провизии осталось от предыдущего пункта; если честно, то крохи. Вяленую и солёную рыбу, заготовленную в дельте Лены, оставили на складе экспедиции в Тикси. Не могу доподлинно вспомнить, какие продукты мы купили, помню только слова Алика:

– Летим на неделю, не покупайте лишнего. Тушёнки банок пять-шесть, сахара две пачки, чая у нас навалом. Муки не надо, возьмите хлеба по паре буханок на день, хотя можно и поменьше. Купите спирта две-три бутылки на медицину, да ещё... бутылок пять: может, кого подмазать нужно. Вермишель и крупа ещё есть, а вот соли крупной надо ящик взять – рыбу обещают...

На следующий день, в солнечную и безветренную погоду, из аэропорта Тикси-3 вылетел самолёт Ли-2 с нашей бригадой.

Заложив крутой вираж, он взял курс на остров Котельный из группы островов Анжу, входящей в Новосибирский архипелаг.

Мы летели над бесконечными просторами Северного Ледовитого океана, а точнее – над морем Лаптевых.

Вода внизу была неприветливо ледяной; серо-синяя поверхность её перемежалась огромными сверкающими льдинами, которые, словно одинокие корабли, не позже чем через месяц готовились слиться в единую и неприступную белую флотилию.

До аэропорта Тёмп на северо-западной оконечности острова лететь было около шестисот километров – где-то два с половиной часа. Лавки здесь, как в вертолёте, были расположены по бортам; они складывались вверх для размещения максимального количества груза.

Сидеть и общаться было неудобно. Тем не менее, когда через четверть часа вышел штурман и разрешил курить, мы разлили по «сотке». Выпили все, включая Наташу, за успех нашей неожиданной миссии и смачно закурили, поглядывая в иллюминаторы необычной формы. Загасив сигареты, мы поочерёдно стали погружаться в тот обморочный полярный сон, который приходит после дня, полного забот и тяжёлой работы.

Часа через полтора я проснулся от небольшой болтанки, которая началась над открытым океаном. Я всегда немного боялся перелётов и, что странно, чем больше был самолёт, тем беззащитнее я себя чувствовал. А сейчас мы летели над бескрайними водными просторами и, если что, садиться точно некуда.

От следующего сильного толчка самолёта проснулся и Тёса. Он зевнул и стал с интересом смотреть в квадратный, словно вагонное стекло, иллюминатор. В отличие от меня, он к полёту относился спокойно и равнодушно – как к перемещению из пункта А в пункт Б.

Из нас он, безусловно, был самым эрудированным. Зная моё отношение к воздушному транспорту, он рассказал мне историю создания Ли-2. Первым делом он поведал о надёжности

⁴ Городня – лёгкая деревянная будка для защиты геодезического инструмента от ветра, осадков и солнца при проведении наблюдений в полевых условиях.

и безотказности нашего самолёта: ведь это, по сути, Douglas DC-3 – легендарный американский самолёт.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Советский Союз принял решение о приобретении лицензии в США на производство этого самолёта. Америка поставила в Союз восемнадцать экземпляров DC-3, а уже в следующем году в СССР стали самостоятельно производить замечательные машины, названные Ли-2.

В тысяча девятьсот сорок первом году Америка передала нашей стране более семисот самолётов Douglas DC-3 по ленд-лизу, так что трудно было понять, на машине какого производства мы сейчас летим.

Передние колёса шасси самолёта, расположенные под крыльями, имели больший диаметр, а заднее колесо в хвостовой части фюзеляжа было небольшого размера. Поэтому Ли-2 имел дифференциал на хвостовую часть. Это позволяло ему взлетать и садиться на плохо подготовленные грунтовые и галечные взлётные полосы.

Тёса всегда говорил, что без ленд-лиза Отечественную войну вряд ли удалось бы выиграть.

Мой отец-фронтовик полностью разделял эту точку зрения, что не мешало ему посмеиваться над американскими танками «Шёрман», которые были укомплектованы словно правительственные лимузины. Там было всё, включая туалетную бумагу и презервативы; однако они имели такую большую высоту, что весь этот будуар разлетался в стороны при первом попадании снаряда немецкого танка.

Проснулись и Алик с Наташей. Все стали вглядываться в иллюминаторы, за которыми вырисовывались контуры Котельного. Об этих островах я мечтал многие месяцы, годы, а может, и всю жизнь – после того как в детстве прочитал замечательную книгу Фритьофа Нансена «„Фрам“ в полярном море». И вот один из этих островов наплывал на нас, сотканный из мечты и суровой полярной реальности.

Дверь в кабину пилотов отсутствовала, и штурман, просто обернувшись, закричал:
– Ребята, пристегнитесь как-нибудь, идём на посадку!

Посёлок находился недалеко от посадочной полосы аэропорта Темп. Это был типичный для Заполярья небольшой посёлок с балками⁵ и армейскими утеплёнными палатками, большинство из которых окутывало густым белым дымом из сверкающих оцинкованных труб. Он располагался на галечной отмели почти у кромки океанских вод.

Как и большинство подобных посёлков, его называли «Шанхай». Очень меткое название, которое говорило не только о беспорядочном нагромождении построек всех видов, цветов и размеров, но и об укладе жизни местных поселенцев.

Это был своего рода порт. Люди приезжали и уезжали в неизвестном направлении, с деловым видом сновали по посёлку, совершали между собой немыслимые сделки, укладывали оборудование и тюки для следующего перелёта, буквально на ходу общались и балагурили, показывали друг другу замысловатые поделки из шкур, моржовой кости, рогов оленей и бивней мамонтов.

Учили друг друга способам засолки рыбы, приготовления и вяления оленины. Здесь впервые я увидел изящную табуретку, ножки которой были изготовлены из трёх моржовых членов. Да, половой орган моржа только снаружи был обтянут плотью, а внутри состоял из кости, имеющей на концах утолщения: одно помассивнее, а другое поменьше. Их длина как раз соответствовала нормальной ножке табуретки. Это изделие вызывало у всех наибольший восторг.

Я ни разу не видел здесь драк или просто стычек. Более того, днём я не видел здесь пьяных людей.

⁵ Балок – деревянный утеплённый домик для полярников, геодезистов и охотников в Арктике.

В Тикси, куда ни глянь, кругом пьяные, замызганные сезонники и немолодые якутские проститутки. И здесь полярники, окончившие работу и получив деньги, выпивали, но почему-то делали это вечером в балкэ или в палатке, без лишнего гама и перепалок.

Мы с ребятами купили несколько обрезков бивней мамонта. У нас настойчиво просили спирт, но после долгого торга взяли рубли.

Почти все бивни имели небольшие трещины, и это, к сожалению, портило их внешний вид. Продавцы настоятельно советовали выварить бивни в кипятке, дабы трещины не пошли дальше.

Всезнающий Саня сказал, что в этом есть смысл, только если мы собрались заняться резьбой по кости. В этом была логика, но на протяжении многих часов, до самого вечера, мы вчетвером варили ужасно воняющие бивни. И надо сказать, что один бивень до сих пор стоит у меня на полке, а второй занимает почётное место в швейцарской квартире старшего сына.

Нас с Тёсой определили в одну из палаток. Здесь было ещё человек десять на постое. Алика с Наташей устроили в балок.

Перед сном соседи предложили выпить по капельке за знакомство, однако твёрдо предупредили: только по северному закону. Закон этот был прост: каждый наливает себе сам, зная, что ожидает его завтра, а порой и через несколько часов.

За столом собралась немыслимо разношёрстная публика. Были здесь рабочие, строители, геодезисты, застрявшие на острове бичи и даже один пилот, отставший от рейса.

Один из полярников, закончивший работу и получивший зарплату, выставил на стол несколько бутылок спирта. Закуску собирали все вместе. Кроме этого, на столе стояло несколько бутылок воды, пустые банки вместо пепельниц и навалом пачки Беломора и спички.

Мы с Тёсой, наученные последним пребыванием в Тикси, налили себе спирта грамм по сто, не больше. Молча, как и все, подняли стаканы и, поймав заинтересованные взгляды соседей, выпили спирт, не запивая водой. Не спеша, чувствуя испепеляющий огонь в горле, разборчиво, со вкусом закусили и, уняв раздражение обожжённого нёба, закурили.

Через некоторое время все стали готовиться ко сну, однако мы почувствовали лёгкое возбуждение в воздухе: обитатели палатки переглядывались и посматривали на нас. Один из старожилов объявил, что завтра утром у новичков – это у нас с Тёсой и ещё двоих геодезистов – будет испытание. Наша обязанность – разжечь печку, но не обычным способом, а по-полярному: дистанционно.

В палатке все спали на раскладушках с толстыми матрацами в тёплых спальниках. Лежбища новичков расположили недалеко от жестяной печки. Затем зачинщики аккуратно уложили в неё дрова, а снизу поставили банку с бензином, оставив открытой дверцу буржуйки. На ночь нам дали по коробку спичек, погасили керосиновую лампу и пожелали спокойной тёплой ночи.

Мы с Саней получили в Тикси замечательные тёплые спальники: двуспальные верблюжьи и лёгкие из парашютного шёлка на гагачьем пуху, которые легко проскальзывали внутрь верблюжьих, и получались теплейшие капсулы.

Перед сном я надел шерстяной тренировочный костюм, тёплые носки, шерстяную шапку и залез в арктический кокон. Палатка была утеплена подвешенным внутри байковым чехлом, когда-то белым, а теперь неприятно жёлтым. Эта приблуда давала немного времени после прогорания дров, чтобы успеть переодеться и нырнуть в тёплые спальники.

Наверное, кто-то храпел, вздрагивал во сне и даже вскрикивал, но я этого не слышал и беспробудно спал до самого утра. Проснулся от мощного монотонного гула на улице. Высунул ещё тёплый нос в ледяную палатку и сразу понял вчерашнюю возню с дровами и бензином.

Очнулся и бывалый. Не доставая лица из капюшона спальника, он огласил правила для салаг:

– С постели не вставать. Делай что хочешь, но, кидая зажжённую спичку, должен поджечь бензин. Все по очереди...

Первым поджёг и метнул спичку «кулёк», лежавший слева. Мне не сильно повезло: я лежал с правого края и был последним. Однако к концу второго захода я угодил точно в банку. Сразу вспыхнул огонь, и уже минут через десять в спальниках стало нестерпимо жарко. Полярники выпростались из своих коконов и стали быстро одеваться. Я ожидал хотя бы одобрения, но никто не сказал ни слова – Север.

Когда мы с Тёсой вышли из палатки, океан штормил. Огромные серые волны с грохотом разбивались о галечный берег, а по пенистой воде, набегавшей на берег, как челнок в ткацком станке, туда-сюда сновал Аркадий – с растрёпанной бородой и орлиным носом, напоминавший дядьку Черномора. Он злобно бормотал:

– Какая погода, какой пункт?

Мы с Санькой пошли в отделение метеослужбы, которое располагалось недалеко, около взлётной полосы. Метров через триста мы перехватили Наташу; она бежала к мужу от метеоролога и несла добрую весть: на юге острова, куда мы летим, отличная устойчивая погода – ясно и штиль.

Через час с небольшим, забирая против ветра, у самой кромки пенистой воды приземлился Ми-8. Ледяные волны с шипением разбивались о его колёса, в бессильной злобе пытаясь вцепиться в них солёной пастью.

Мы летели на небольшой высоте, придерживаясь берега океана. Чем южнее мы продвигались, тем лучше становилась погода.

Через иллюминаторы и сферический блистер⁶ солнце весело заполнило весь салон и нестерпимо слепило глаза.

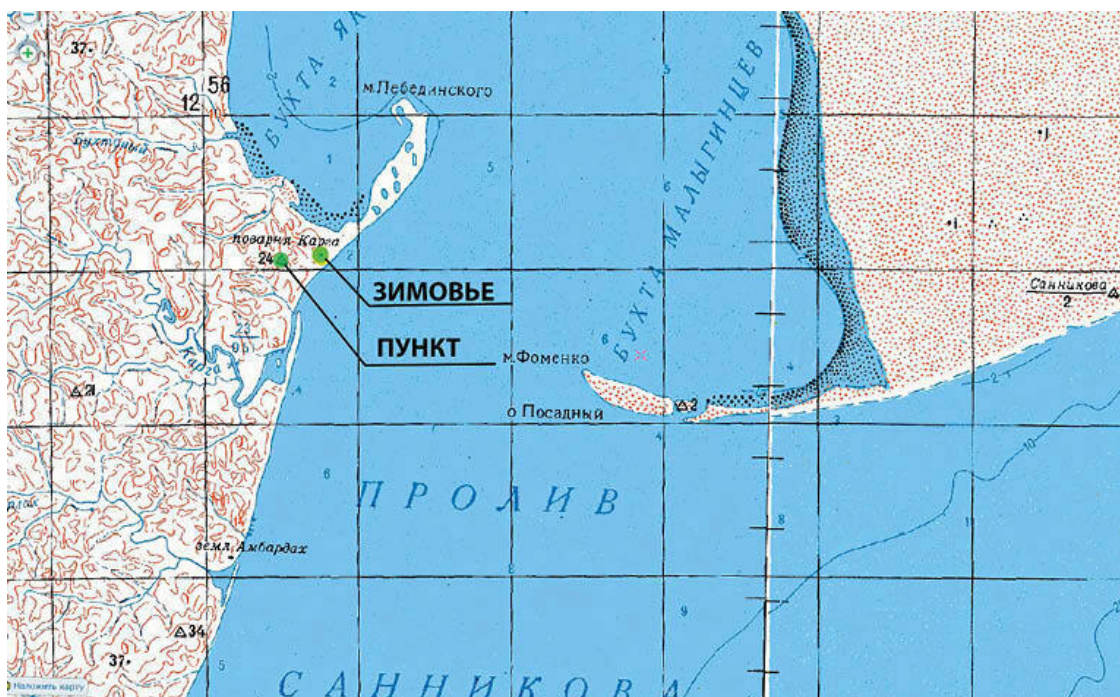
Снега на берегу становилось всё больше, и вода в океане сменилась льдом с небольшими синеглазыми полыньями.

⁶ Блистер – прозрачный полусферический колпак на борту вертолёта для обзора и аэрофотосъёмки.

Из кабины высунулся штурман и настойчиво показал вниз. Вертолёт резко пошёл на снижение, заложив крутую дугу; мы увидели прямо под нами огромного белого медведя. Он действительно был белым, только с рыжими подпалинами. Напуганный грохотом двигателей и снежным вихрем от лопастей, медведь сначала заметался, но затем галопом помчался в сторону океана, потешно виляя массивным задом.

Через четверть часа мы достигли западного берега пролива Санникова и пошли на посадку возле мыса Лебединского. Подбирая место для посадки, облетели вокруг охотничьей избы с плоской крышей и несмело приземлились в глубокий снег в полусотне метров от неё.

Пилоты не стали глушить двигатель, опасаясь провалиться сквозь снежный наст.

Задыхаясь от колючей белой вьюги, ничего не видя вокруг, мы по-стахановски, быстро и чётко повыкидывали весь груз из вертолёта. В последний раз проверили салон, попрощались с пилотами и, выскакивая на снег, услышали вдогонку:

– На океане – осторожнее, лёд ещё не окреп.

Дверь хлопнула. Вертолёт отчаянно возвысил голос и, прижав кабину к земле, стремительно заскользил вдоль берега океана; набирая высоту, сделал над нами прощальный вираж и ушёл на север.

– Посмотрим избу, – сказал Аркадий. Мы решительно, но с чувством некоторой тревоги, пошли к ней.

Постройка располагалась на плоской вершине невысокой сопки и с берега океана была невидна. Зимовье оказалось большим. Его стена, обращённая к морю, составляла не менее шести метров в длину. На ней располагались два окна: одно подсвечивало коридор, ведущий от входной двери до комнаты, а второе, большего размера, освещало жилую комнату. Оба окошка имели по две застеклённые рамы.

Всё здесь было сделано бывалыми охотниками – знающими и умелыми людьми. Окна выходили точно на юг, что добавляло света в избушку в короткие дни межсезонья.

Сруб был сложен из круглых брёвен, щели между которыми проконопачены паклей, старым тряпьем и даже ягелем. В глубину изба была около пяти метров. На левой стене, примы-

кавшей к фасаду, располагалась могучая дверь, которая, как и положено, открывалась внутрь, а снаружи была завешена истлевшими оленьими шкурами.

Двери всех зимовий в тайге, на Севере и в Заполярье открываются только внутрь. Ведь иногда пурга загоняла полярников на несколько дней в натопленную избу. За это время наветренная сторона сруба заносилась тяжёлым спрессованным снегом, и если бы дверь открывалась наружу, то замурованным жильцам пришлось бы долбить тоннель в вечной мерзлоте.

Иногда такие накладки встречаются в художественных фильмах о жизни таёжников и северян, и становится очень обидно за такую нелепость, особенно если кино хорошее.

Все наружные стены избы сплошь были покрыты забитыми в брёвна коваными костылями, скобами, оленьими рогами разного калибра, большими гвоздями, на которых болтались старые ржавые капканы. Кое-где были прибиты обрывки оленьих шкур.

Возле зимовья, для защиты продуктов от песцов и лёммингов, на четырёх пустых бочках из-под горючего располагался дощатый лабаз⁷ для хранения мяса и рыбы. Невдалеке стояли невысокие, но мощные кóзлы и огромная колода; чуть поодаль подпирали сруб старые, но ещё прочные нарты, полозья которых были подбиты металлической лентой.

Метрах в двадцати южнее избы мы обнаружили замечательный лёдник⁸. Массивная крышка его слегка высывалась из-под снега.

Поддев её небольшим ломиком, открыли вертикальный колодец, глубина которого была не менее трёх метров. Вниз вела обычная лестница с перекладинами. Диаметр скважины немного менялся, но был не менее полутора метров, что позволило установить лестницу под небольшим углом для удобства спуска и подъёма. Я вызвался спуститься вниз и осмотреть лёдник.

⁷ Лабаз – высокий помост для хранения припасов в тайге и тундре; защищает продукты от хищников и грызунов.

⁸ Лёдник – вырубленный в вечной мерзлоте колодец-холодильник для хранения припасов в Арктике.

Медленно и осторожно начал спуск, и перед моими глазами открылось удивительное зрелище. Сверху вниз, до самого дна, спускались десятки гирлянд из переплетённых под прямыми углами шестигранных ледяных кристаллов различной длины и толщины.

Длина кристаллов менялась от десяти до тридцати сантиметров, толщина же – от размеров простого карандаша до диаметра большого пальца.

Я продолжил неспешный спуск, не отрывая восхищённого взгляда от этих своеобразных люстр, которые словно украшали арт-галерею современного искусства.

Чем ниже спускался, тем сильнее подсвечивались гирлянды, сверкающие от падающего через круглый проём солнечного света, который, преломляясь ледяными призмами, создавал немыслимые цветовые эффекты. Они непрерывно менялись, словно в детском калейдоскопе при его плавном вращении.

Спустившись ещё чуть ниже, я случайно зацепил одну из люстр, которая, качнувшись, ударила соседнюю, а та – следующую.

Внезапно тишину шахты наполнили звонкие высокие звуки, словно кто-то неспешно и негромко, но, несомненно, талантливо заиграл на ксилофоне. От этой удивительной музыки, сопровождаемой поразительным оптическим разноцветьем, закружилась голова, и я едва не сорвался с лестницы.

Когда я поднялся наверх, у меня был настолько ошарашенный вид, что Наташа с интересом спросила:

– У тебя всё хорошо?

Я не стал ничего рассказывать, заметив, что до лета нам лёдник не понадобится, а через неделю мы будем в Москве у своих холодильников.

Только через пять дней, после того как ребята отнаблюдали пункт, я рассказал всем об этом арт-феномене. Мы по очереди спускались туда, пытаясь разгадать арктический ребус. Его решил Тёса.

С верхнего свода скважины вниз спускались десятки тоненьких бечёвок, изначально абсолютно невидимых, которые и явились центрами кристаллизации влаги. Ну и, конечно, удивительное совпадение влажности и температуры воздуха.

Дверь в зимовье примёрзла – пришлось выбивать плечом. Сразу за ней, до входа в комнату, находился коридор, а точнее – сени двухметровой ширины. Справа, под низеньким окном, стояла большая прочная лавка, толстые доски которой за многие годы были до блеска отполированы охотничьими задами в меховых и ватных штанах. Слева от входной двери располагалось просторное помещение для ездовых собак. Вход в него был прикрыт невысокой калиткой с широкими просветами меж вертикальными планками.

Дверь в жилую комнату была массивная, хорошо подогнанная к коробу и дополнительно утеплённая оленьими шкурами.

Слева от входа, в небольшой нише, стояла металлическая печь, сделанная из бочки и обложенная булыжником; труба из неё уходила через отверстие в потолке. Напротив печи, справа, вдоль стены, стоял стол с двумя табуретами, а дальше, прямо под окном, примостилась широкая дощатая кровать. Противоположная стена сруб пустовала, а у двух других стояли ещё две кровати из толстых досок.

– Жить здесь, пожалуй, можно, – задумчиво сказал Алик. – А сейчас надо обустроиваться.

Первым делом, напилев и наколов дров, начали протапливать зимовье. Под гул и потрескивание печи перетасили в избу нашу одежду, обувь, спальники, матрасы и продукты.

Затем мы занялись изготовлением «американки». Две опоры сделали из бруса, соединив попарно четыре обрезка по пять метров. К макушкам этих мачт подсоединили изготовленную ещё в дельте Лены простейшую антенну – двадцатиметровый одножильный провод с ответвлением для подключения к рации. Прочно укрепили по три растяжки в местах соединения бруса и на тóпе.

На установку этих стоек пришлось бросить всю команду, и через несколько часов, к заходу солнца, всё было готово. До вечернего сеанса связи с экспедицией оставалось ещё полчаса.

Ранним утром следующего дня мы занялись постройкой городни для инструмента. Возле неё натянули палатку, внутри которой установили соляровую печь-капельницу, складные стол, стулья и большую раскладушку, где можно было и вздремнуть, разомлев от дизельного тепла.

Здесь Алик с Наташей в ближайшие дни должны отнаблюдать этот замечательный пункт.

Пока ребята настраивали аппаратуру, мы с Тёсой пошли к избе: надо было натопить зимовье и приготовить обед. От городни до избы было около ста метров. Сварили макароны с тушёнкой, вскипятили чай, и Саня побежал за ребятами. Оставшись один, я осмотрел наши скудные продуктовые запасы и понял: ещё дня на четыре, ну на пять...

Внезапно тяжёлое предчувствие перехватило дыхание, словно неосторожный вдох ледяного арктического воздуха при морозе под пятьдесят, а когда ожог отпустил лёгкие, то льдинка, застрявшая в сердце, осталась, словно у Кая во владениях Снежной Королевы.

– Лишь бы всё сложилось, – заклинал я суровую северную судьбу.

На следующий день, ещё до рассвета, наши астрономы уже были у инструмента. Аркадий, приткнувшись к окуляру восьмидесятикратного универсала Wild, ощутил движение светил в пространстве и времени и пронзительно почувствовал своё место на планете Земля, на суровом приполярном острове, затерянном среди бескрайних ледяных просторов океана. С каждым днём, с каждым часом наблюдений эта точка, несущаяся сквозь вселенную, становилась всё осязаемее, пока наконец Алик не осознал её местоположение с точностью до сантиметра.

Аркадий попросил нас с Сашей разобраться с зимним снаряжением, посмотреть, есть ли ещё полыньи, пригодные для рыбалки, и сходить на охоту: может, олени недалеко? Ещё вечером он отдал мне укороченный кавалерийский карабин и цинку патронов, которые нам выдали в Тикси. Винтовка была совсем новой и загадочно пахла ружейным маслом.

Мы с Тёсой выбрали себе лётные унты на собачьем меху, валенки, овчинные полушубки, новые телогрейки, ватные брюки и огромные меховые рукавицы. Широкие охотничьи лыжи

синего цвета были снабжены только кожаными петлями для ног – пришлось их оснастить поводками из тесьмы, которые завязывались сзади валенок.

Лыжные палки сделали сами: отщепив их от дюймовой доски, придали им округлую форму охотничьим ножом, затем заострили один конец каждой, а возле другого сделали круговую насечку, укрепив там темляк из бечёвки.

Полушубки надевали редко: неудобно ходить, трудиться несподручно; да и тяжёлые меховые унты носили нечасто, только работая возле избы.

Мой лыжный охотничий костюм состоял из ватных штанов и телогрейки, подпоясанной офицерским ремнём с патронташем, валенок, бинокля, вязаной шапки и тёплых рукавиц. Облачившись таким образом, надев лыжи и закинув карабин на спину, я, а вслед за мной и Саша, заскользили под горку к берегу – всё быстрее и быстрее, навстречу восходу.

Вдруг перед нами распахнулся океан: его застывшая ледяная поверхность, занесённая снегом, ещё не резала глаз ослепительной белизной, а, скорее, радовала их тёплым утренним светом.

Южный берег мыса Лебединского местами был покрыт плавником, который попадал в море Лаптевых из Лены и достигал пролива Санникова, где волны и ветер выбрасывали его на пологий берег.

Прибрежная полоса океана на два-три метра ещё была заполнена шугбой, напоминающей бритый коктейльный лёд в мохито. Вдали от берега серели полыньи, забитые взвесью измельчённого льда и солёной воды, размером около десяти метров в поперечнике, словно следы великана, прошедшего по замерзающей луже.

– С рыбалкой всё понятно, теперь вся надежда на оленей, – сказал я Саше, и острая лединка плохого предчувствия опять шевельнулась в сердце.

Солнце поднялось высоко и слегка пригревало наши спины, когда мы, уходя от берега, поднимались на сопку южнее зимовья, затем на следующую и ещё на одну. Одолев господствующую высоту, я взял бинокль и терпеливо, без суеты, стал осматривать холмистую арктическую пустыню в надежде увидеть небольшие тёмные предметы, напоминающие стоящие вдали бочки из-под горючего, но напрасно – оленей не было.

Мы с Саней ещё долго бродили на лыжах, преодолевая подъёмы на заснеженные холмы и спускаясь в распадки, стараясь не слишком удаляться от берега, чтобы найти обратную дорогу. Других заметных ориентиров, кроме береговой полосы, вокруг не было – только белоснежные возвышенности и складки низин между ними. Лишь изредка поблёскивали чёрным углём отвесные береговые скалы, вонзённые в океан.

Вернулись в избу, когда начинало темнеть. Наши астрономы, скудно отобедав, решили вернуться в палатку – заночевать там. Аркадий поведал, что с работой всё хорошо, по плану.

Вечером им ещё предстояло погрузиться в расчёты и подготовиться к завтрашним наблюдениям. Я подумал, что им наверняка хотелось остаться вдвоём: желание близости чувствовалось по их взглядам и прикосновениям, оно заполняло зимовье. Ребята даже не отреагировали на мои рассказы о безжизненности острова.

– Ещё дня три – и домой, – успокоила всех Наташа.

Я подавил мысли о жене, оставленной в Москве. Даже вечером перед сном мне с трудом удавалось погасить вспышки воспоминаний о любимой женщине, а теперь мне стало больно.

Николай Иванович, инженер по технике безопасности нашей экспедиции, в отведённые часы в камералке долго и нудно рассказывал нам, что нельзя делать в поле. Однако на экзамене он становился удивительно лаконичным и у всех спрашивал только одно:

– Что никогда нельзя делать в экспедиции, что неизбежно приводит к гибели?

– Никогда нельзя подходить сзади к лошади и вертолёту, – отвечали мы. Он оставался доволен и ставил свою подпись в удостоверении по технике безопасности.

Однажды, слегка выпив и впав в меланхолию, он открыл перед нами ещё одно табу:

– Если ты женат или у тебя есть любимая женщина, девушка, запомните: никогда в экспедиции нельзя вспоминать о близости с ней, нельзя представлять её женскую, интимную красоту. Это сведёт вас с ума. «Полярка», «Зов», «Зов Полярной звезды» – называйте как хотите, но оно вас настигнет, и глазом не моргнёте. А бывает и ещё похуже: придёт к тебе Синильга, красивая такая, желанная, и поманит тебя в ледяную тундру на погибель. Думаете, это сказки?

– Несколько лет назад едва нашли одного помощника. Увела его ласковая Синильга в лютую пургу. Когда нашли его, еле живого, он до последнего утверждал, что была она. Он чувствовал её, брал за руки и целовал сладко, как никого никогда.

К врачам его направляли, к психиатру, а он всё твердил:

– Была она, живая, осязаемая. Откуда взялась – не знаю... Так и пришлось списать его.

– Помните об этом, – заканчивал Николай Иванович, становясь невесёлым и тревожным. И в эту минуту я был твёрдо убеждён, что этим полярником был он, только очень, очень давно...

Следующие три дня ребята приходили в избу только на вечернюю трапезу. Чай готовили у себя в палатке на соляровой печке. Аркадий твёрдо решил отнаблюдать этот пункт и заслужить репутацию надёжного исполнителя.

Мы с Тёсой возили плавник с берега на старых скрипучих нартах, которые надрывно стонали, но держали немислимый вес здоровенных брёвен. Только время от времени рвалась верёвка, да мы кряхтели от натуги, затаскивая сани по крутой тропе на вершину сопки к нашему зимовью. Здесь мы пилили выбеленные стволы, матеря плохо разведённую пилу, и кололи их на поленья.

Отходя подальше от избы, мы набирали здоровенные кастрюли чистого снега и топили его на печке, добавляя щепотку соли, получая сносную питьевую воду.

Ежедневно, взяв карабин и повесив бинокль на шею, мы вставали на лыжи и поразительно настойчиво, но всегда безуспешно ходили на охоту.

С каждым днём окружающий рельеф становился всё более узнаваемым. Арктическая тундра, как и пустыня, при первой встрече представляется безликой и однообразной. Но спустя всего несколько дней начинаешь отличать одну сопку от другой, да и распадки между ними постепенно обретают своё лицо, а порой и имя.

Ясная, безветренная погода набирала силу. Снег становился нестерпимо ярким и до боли резал глаза.

Мороз день ото дня крепчал, и воздух над островом нарядился в лёгкую арктическую фату, сверкающую крошечными ледяными стразами.

Прошло ещё дня два, и вечером Аркадий, с трудом скрывая распирающее его торжество, объявил:

– Завтра заканчиваем и вечером вызываем борт.

– Может, по капельке? – утомлённо улыбаясь, предложил Тёса.

– Завтра вечером, после связи с Левинтасом – несомненно, и как следует, – азартно скалась, подхватил Алик.

Весь следующий день, наполненный надеждой и предвкушением, мы с Сашей собирали и упаковывали свои вещи и бригадное снаряжение. Каждые полчаса я трижды стучал по дереву, когда Тёса вслух мечтал о встрече с родителями и друзьями. Он так образно, с деталями, описывал наше возвращение в Москву, что я, переставая злиться, хохотал вместе с ним и душил последние сомнения оторванного от близких, родных и любимых, заблудившегося полярника.

За час до вечерней связи ребята уже были в избе. Аркадий обрёл сосредоточенную глухоту, а Наташа, улыбаясь, прижимала палец к губам.

– Первый, первый, Аркадий на связи, – сильный, уверенный голос заполнил избу.

– Первый ждёт хороших новостей, – услышали мы потрескивающий голос начальника.

– Пункт сделали, собираемся, ждём борт.

– Отлично, спасибо от всех ребят. Завтра ждите восьмёрку около часа дня. Будьте готовы, определите место посадки. До утренней связи!

Мозг слегка закипел. Я отстранился от окружающего и настойчиво твердил: «Let it be, пусть будет так, let it be».

Я вновь ощутил действительность вместе со стопкой водки, которую Тёса впихивал в мою ладонь.

– Ты чего? – улыбнулся он.

Наутро Левинтас подтвердил вылет борта:

– Дед к вам летит, дедушка вас заберёт!

Дед – самый старый полярный лётчик всех времён и народов. Ему уже стукнуло семьдесят, но он с пугающей всех врачей регулярностью ежегодно проходил медкомиссию на «хорошо».

Мы все вместе, забыв о перекурах, собирали, упаковывали и складывали возле зимовья наше барахло и аппаратуру. Свернули и палатку астрономов, оставив только антенну и рацию.

Все трудились молча, пока уставший Саня, взглянув на часы, удивлённо не воскликнул:

– Уже два, а где борт?

Аркадий рванул в избу к рации. В четырнадцать часов у нас был резервный сеанс связи с экспедицией.

Меня стало подташнивать, когда я вошёл в избу и услышал гулкий тревожный зов:

– Первый, первый, Аркадий на связи... Первый, первый, Аркадий на связи...

Та льдинка, которая вонзилась мне в сердце ещё несколько дней назад, мерзкой, холодной занозой проникала ещё дальше, в самую душу, породив отвратительное ощущение безнадёжности и страха. Вероятно, так чувствуют себя пассажиры самолёта, который внезапно сорвался в смертельное пике, но ты ещё жив, и есть ещё вера в спасительную перегрузку, которая вожмёт твою вспотевшую задницу в колыбель самолётного кресла.

Я не был сильно удивлён и не разбивал кулаки о брёвна зимовья, когда вечером нам сообщили, что борт с трудом и только благодаря Деду сел на авторотации километрах в двадцати от аэропорта – один за другим заглохли оба двигателя. Восьмёрка легла на бок, помяв шасси, но все целы. Экипаж на вездеходе доставили на станцию Темпа.

Устало прислонившись к стене сруба, я услышал голос начальника экспедиции:

– Через несколько дней будет ещё борт. Алик, береги своих!

Аркадий молча посидел несколько минут у рации, затем закурил. Закурили и мы с Тёсой. Наташа сразу осунулась и, не обращая внимания на табачный дым, сосредоточенно складывала, разглаживая ладонью, а затем вновь разворачивала наивный девичий носовой платок, положив его на колени.

– Надо внести в избу необходимые вещи и продукты. Этим займёмся мы с Сашей, Наташа поможет, – заржавевшим голосом сказал Алик.

– Сергей, займись, пожалуйста, продуктами, посчитай всё до последней крошки. Завтра сядем и обсудим, как быть дальше...

Обломки чёрных сухарей на дне большого джутового мешка, оставшегося с дельты Лены; полпалки чёрной брауншвейгской колбасы; по несколько горстей гречки, пшена и риса; отличного индийского чая хватит месяца на два, но сахар гремел на дне коробки. Я тщательно пересчитал его: осталось двадцать четыре кусочка. Да, ещё был тридцатикилограммовый ящик замечательной крупной соли – интересно, что с ним можно сделать?

Рано утром мы сидели у стола, на котором лежал составленный мной список продуктов, и решали: на сколько дней надо разделить всё, что осталось?

Аркадий обратился ко всем:

– Ребята, если у кого осталась продуктовая заправка, может, из московских посылок – сейчас самое время выложить всё на стол. – И первый вынул из рюкзака коробку шоколадных конфет.

Я указал на банку свиной китайской тушёнки «Великая стена» с небесно-голубой каёмкой, которая прижимала блокадный список к столу, затем вынул из кармашка на внутренней стороне чемоданной крышки пачку настоящих американских сигарет «Camel».

Тёса вытащил из сумки жестяную коробку с засахаренными лимонами, которые приготовила его бабушка и выслала в Тикси, опасаясь цинги у любимого внука.

Мы ещё тогда пытались использовать это лакомство на закуску, но Саня, внимательно изучив желеобразную консистенцию витаминов, сказал:

– Соплями не закусываю.

Но теперь это сладкое лимонное желе могло стать источником выживания.

– Предлагаю конфеты и лимоны отдать Наташе, ей витамины больше других нужны, правда, если она согласна есть этот жёлтый студень, – предложил Саша.

– Над этим подумаем. А сейчас давайте решать, на сколько дней делить остатки продуктов. Левинтас обещает через пять-шесть дней нас забрать. Восьмёрка прилетит на Темп через четыре дня, – Алик постарался придать голосу максимальную твёрдость и уверенность.

– Я предлагаю сделать пайки по сахару. Там осталось двадцать четыре кусочка. По одному в день на человека – аккуратно на шесть дней. Если все согласны, то передадим всё Наташе – пусть поделит, а мы опять на охоту, – я взглянул на Аркадия.

– Давайте, чайку попьем, и выходите с Сашей. А я сяду и ещё раз проверю все расчёты по пункту, – подытожил старший.

Следующие дни были однообразно голодными и безуспешными. Охота была фатально безрезультатной. Пару раз ко мне вместо Тёсы присоединялся Алик, но это ничего не меняло. Мы из последних сил уходили всё дальше и дальше от избы, но, кроме «белого безмолвия», ничего не находили.

Вечером, придя с охоты и что-то пожевав, мы отрешённо падали на дощатые скрипучие кровати. Прошла неделя, затем ещё одна. Казалось, ожидание спасительного борта будет длиться вечно. Мне мерещилось, что ночью перед сном все шёпотом молятся, накрывшись капюшонами спальников.

И только на исходе сентября нам пообещали борт.

– Соберёмся завтра после утренней связи, – неожиданно для всех объявил Аркадий, и я его понял.

Левинтас вышел на связь только в конце следующего дня, когда оконные стёкла безнадежно почернели от горького ожидания:

– Сегодня на рассвете Ми-8 вылетел к вам из Темпа, как я и обещал. Набрав высоту около двадцати метров, машина внезапно начала вращаться вокруг вала ротора – у вертолёта отказал рулевой винт. Борт совершил несколько вальсовых разворотов и рухнул на землю. По счастливой случайности, он не загорелся. Первый пилот сломал ногу, остальные ребята отделались синяками и ушибами. Аркадий, я не знаю, что и сказать. Подниму на ноги всю полярную авиацию, но сейчас на Темпе больше никого нет – лететь некому, да и не на чем.

– Первый, первый, ты уж постарайся. Нам жрать нечего, совсем ничего нет, добираем крошки последние. Рыба вся у тебя, наверное, да и олени, похоже, машут рогами под вашими окнами – нет их у нас в округе километров на двадцать, ни одного!

– Завтра ребята собираются на леммингов охотиться – мышковать пойдут.

– Если олени не придут – ну неделю, ну дней восемь, максимум продержимся, а дальше? – Алик не смотрел на нас. Он весь подобрался и посерел; даже губы, и до того фиолетовые, стали совсем белыми.

Я подумал: «Насколько проще отвечать только за себя, ну, за свою жену, но и этого покадык хватит, а ведь есть ещё и мы с Тёсой!»

Аркадий посмотрел на наши растерянные лица, на дрожащие губы Наташи и неожиданно для всех объявил:

– Давайте выпьем и успокоимся. Серёжа, найди закусить по крохе...

Обломки сухарей закончились, и я положил в миски по паре ложек крошек и пыли из джутового мешка. Затем достал последние десять сантиметров чёрной брауншвейгской колбасы, от которой отрезал каждому по несколько кусочков – так тонко и прозрачно, как научил меня Север.

Поставив всё это на стол, я достал стопки и стаканы, в которые налил топлёной снежной воды, стараясь не глядеть в глаза ребятам – почему-то мне стало стыдно, что мы с Тёсой не могли ничем накормить исполнителя с женой.

Аркадий достал из рюкзака бутылку спирта, открыл её, разлил по стопкам, сделав выпуклые горки, которая у меня почему-то сразу опала, и на столе грустно заблестела лужица пахучей влаги. «Как наплакал кто-то», – подумал я.

Затем он перелил одну стопку в стакан и разбавил водой, что есть силы прижимая сверху рукой – ходило поверье, а может, и правда, что разведённый таким образом спирт меньше

нагревается. Чушь какая-то. Этот стакан Алик передал Наташе и стал сосредоточенно растирать глубокую круговую канавку, оставшуюся на ладони.

– Завтра вместе пойдём на охоту, – глядя мне в глаза, сказал он. – Мы их, блядь, достанем! Саша пусть мышкует весь день, а ты... – он посмотрел на Наташу, – подумай, как все эти крохи растянуть можно...

Мы выпили по стопке, затем ещё по одной и, слизав чёрные крошки сухарей, насыпанные в ложки, положили на языки тончайшие срезы колбасы и вкусно посасывали, прижав их к нёбу.

Я достал мужикам по одной сигарете «Camel» из последней пачки. Мы сначала наслаждались ароматом великолепной смеси вирджинского и турецкого табака и только затем закурили. Клубы потустороннего дыма окутали зимовье.

Неожиданно для всех Наташа попросила:

– А можно мне?

Я отдал пачку её мужу, который слегка дрожащей рукой выудил сигарету, прикурил и нежно положил в тонкие пальцы Наташи. Все замолчали, наслаждаясь ароматной голубоватой дымкой.

Сто граммов спирта на голодный желудок и почти без закуски догнали нас мгновенно. Мы покраснелись и разомлели. Что-то малознакомое, но очень интересное рассказывал Тёса, а я, облокотившись о стол, погрузился в лёгкую дрему с открытыми глазами, видя и слыша всё окружающее.

Наташа положила голову на плечо мужа и ласково поглаживала его огрубевшую руку.

Не было ни сил, ни желания бороться с сокровенными мыслями. Я вспомнил жену – где-то очень далеко, в Москве, и почему-то летом.

Приятная дрема испарилась, и горько зануло сердце. Волна сомнений, страха и раздражения нахлынула на меня. Уже полгода, как я не видел любимую. Представляя её, я видел лишь фотографию, хранившуюся в моём чемодане, а не девушку – живую и такую красивую. Я совсем забыл, как пахли её волосы, насколько нежна её кожа, помнил только, что очень ласковая и родная.

Что-то злобное и неукротимое стало заполнять меня, перехватив дыхание. Я стиснул зубы и сжал кулаки. Вдруг этот сокрушительный ураган нашупал цель, нашёл причину моего отчаянного одиночества и опустошения – и ей оказалась Наташа! Да, абсолютно беспричинно и бессмысленно – именно она.

Почему же не Аркадий, который был исполнителем и в чём-то виновен в сегодняшней патовой ситуации? Да, возле него всегда был близкий, родной человек, скрашивавший все тяготы этих последних дней, а я был оторван от любимой женщины – и, может быть, навсегда! Такую всепоглощающую зависть можно было объяснить и даже понять, но почему Наташа? Почему?

Закрыв глаза, начал страшно трясти головой, выскочил в сени, а затем на улицу. Крепкий мороз обжёг лицо и перехватил дыхание, а я с бессмысленной скоростью, пытаясь израсходовать энергию неистовой ярости, наворачивал круги вокруг зимовья.

Меня стало понемногу отпускать, когда из избы вышел Саша с моим полушубком в руках.

– Надевай!

Пока я натягивал овчину, он достал из-за пазухи мои рукавицы и шапку. Затем вынул сигареты и, дав прикурить, исподлобья посмотрел на меня и спросил:

– Остаться с тобой или не стоит?

– Иди, Тёса, спасибо тебе. Один побуду, только оставь сигареты да спички.

Я всё ещё не мог стоять на месте и топтал снег, двигаясь возле сруба. Пытался заглянуть внутрь себя, понять что-то, но наткнулся на такую черноту, что страшно стало.

– Привет, Фёдор Михайлович! – поздоровался с любимым писателем, который так умело опускал читателя в страшные закоулки душ своих героев.

Когда я читал романы Достоевского, весь мир переставал существовать вокруг меня. Может быть, именно поэтому на старших курсах института, в сессию, в последние часы перед экзаменом, когда что-либо учить уже поздно, а необходимо просто отрезвиться от происходящего и успокоиться, я – к неописуемому удивлению и восторгу однокашников – открывал томик любимого писателя и погружался в мир пороков и страстей человеческих.

Закрыв роман, всегда первым заходил в аудиторию и, твёрдо глядя в глаза самым легендарным мучителям студенчества, брал билет и шёл готовиться. Выходя из аудитории, на вопросы трясущихся сокурсников я весело отвечал:

– Отлично!

– Почему Наташа? Почему именно она вызвала такую бешеную бурю у меня в душе?

Я представил её: некрасивую (но и не уродливую), худенькую, но крепкую. В Москве, когда приедется, вероятно, довольно стройная, хотя и невысокая... Ну ведь никакая! Да, Алику мне точно нечего было завидовать, да и не он меня взорвал. Приступ полярной лихорадки – меряченья – вызвал не он, а его жена. Хотя кто виноват, что человек внезапно поддаётся Зову, Зову Полярной звезды – это для всех тайна.

Когда из зимовья вновь показался Саня, я совсем протрезвел.

Мы молча курили, всматриваясь в звёздное небо, большая часть которого светилась зелёной – она плавно изменяла свою форму и размеры.

Так на севере называли полярное сияние, которое в ясные ночи освещало арктическую пустыню. Это было обычное, повседневное явление, к которому мы давно привыкли, как привыкают к звёздам и луне, облакам и солнцу.

Бывали и удивительные, феерические видения, когда стремительная лента, состоящая из ярких разноцветных иголок, начинала, словно змея, извиваться, занимая весь небосклон. Но мы такого ещё не видели – всё это ещё впереди.

Саша ушёл в избу, а я, пообещав скоро вернуться, остался стоять на зеленоватом снегу возле избы.

Вновь я стал думать о произошедшем со мной, стараясь оживить в памяти наиболее яркие эпизоды, связанные с Наташей.

Они с Аликом были страстно увлечены своей работой: наблюдения, расчёты, определение координат на местности – всё это доставляло ей неподдельную радость. Она не была ни вредной, ни заносчивой. Ещё на Салё (так геодезисты называли залив Салё-Кюэль в дельте Лены) она всегда была готова помочь нам с Тёсой в приготовлении еды, снабдила отличными кулинарными книгами, привезёнными из Москвы.

На несколько дней она превратилась в сиделку, когда мы, трое здоровых молодых мужчин, свалились с радикулитом после отчаянных, но бесплодных попыток сделать лёдник, круша ломами и кирками бетонной крепости мерзлоту, состоящую из смёрзшегося навеки песка.

По три-четыре раза в день, натирая наши натруженные, сорванные спины какой-то вонючей мазью, она заворачивала нас в тёплые шерстяные тряпки, пока не поставила на ноги. Да и потом, по возможности, пыталась помочь даже в сугубо мужских занятиях – установке палаток, ловле рыбы, заготовке дров.

Правда, она не любила охоту: ну, утки и куропатки ещё туда-сюда, но когда незадолго до нашего отлёта с Салы мы с Тёсой после многочисленных и безрезультатных охотничьих экспедиций добыли могучего оленя с огромными ветвистыми рогами – её возмущению не было предела.

Аркадий сразу встал на нашу сторону. Уже давно не было борта, а с ним – и свежего мяса; рыба ушла, да и утки уже улетели. Мы дней десять сидели на тушёнке и каше, а здесь – такая удача!

Но Наташа была непреклонна: она не только не ела вкуснейшую оленину, но и объявила бойкот всем мужикам, включая собственного мужа. Так она и ходила, насупившись, ещё дня три, пока не прилетел вертолёт забрать нас в Тикси.

Нет, всё с ней нормально. Так с чего началось? Я вспомнил, как она за столом положила голову на плечо мужа и, нежно глядя его руку, взглянула на меня. И-и-и?

– Да быть этого не может! – внезапно вслух сказал я, а затем заорал: – Да быть ЭТОГО не может!

Умывшись освежающим пушистым снегом, всё ещё неестественно зеленоватого оттенка, я вернулся в избу. Ребята уже лежали в спальниках, но не спали и вопросительно приподняли головы.

– Спокойной ночи, – сказал я. Затем, чуть помедлив, добавил: – Всё хорошо, – и юркнул в свой кокон.

Рано утром, выпив чая без сахара и съев по паре невесомых лепестков колбасы (которые напоминали срезы образцов для изучения под микроскопом), мы вышли на охоту, положив в карманы по горсти крошек чёрных сухарей.

– Давай, сегодня я попробую, – сказал Аркадий, забирая у меня карабин. Я отдал ему обоймы с патронами, взял свою ижевку, надел патронташ, и мы заскользили на широких охотничьих лыжах от сопки к сопке, с ветерком спускаясь в заснеженные распадки и пробираясь по извилистым лощинам. Погода стояла морозная, но безветренная и очень солнечная.

Арктическая пустыня, такая бесцветная и унылая с первого взгляда, уже околдовала нас своей космической бескрайностью, своими лёгкими белоснежными просторами, неповторимой иллюзией господства над всей этой бесконечной полярной страной.

Здесь ты всегда один. Вероятно, так чувствует себя мореплаватель на утлом судёнышке, пересекающий немислимо огромный океан, ощущающий одновременно зыбкость своего существования, гордость за отчаянное одиночество посреди бесконечной пучины и удивительную радость от красоты окружающего его беспредельного мира.

Однако вся завораживающая нас своей красотой Арктика по-прежнему была безжизненна.

Этим вечером за чаем я впервые в жизни остро – до боли в желудке и до безысходности в душе – почувствовал настоящий голод. Поганое и безнадежное это ощущение! После чая с гарниром из чёрных хлебных крошек я взялся точить свой охотничий нож. Когда я довёл лезвие до безупречной опасности бритвы Solingen⁹ Тёса спросил:

⁹ Solingen – немецкая опасная бритва высшего качества, с использованием высокоуглеродистой стали и особой технологии

– Кого резать будем?

– Остатки брауншвейгской, на завтрак – потоньше.

На следующий день, чуть позже полудня, мы увидели оленей. Первым их заметил Аркадий, оглядывая в бинокль слепящие снежные просторы.

– Похоже на оленей, посмотри! – азартно, задохнувшись холодным воздухом, сказал он, показывая направление.

Я, прикрывшись ладонью от полуденного солнца, отклонив бинокль, стал вглядываться в даль.

Это у нас с ребятами такая игра была: увидев в бинокль что-то далёкое и вызывающее сомнение, они просили меня рассмотреть еле заметный объект, обязательно предлагая бинокль. А я, поддерживая игру, отказывался от него и внимательно смотрел в указанном направлении. В то время у меня действительно была поразительная острота зрения: почти всегда мне удавалось точнее, чем в бинокль, определить, что же они увидели.

– Олени. И много – более двадцати, похоже. Уходят на северо-запад, еле заметный ветерок с востока. Давай пробежим вдоль берега и выйдем к ним навстречу с запада.

– Тогда добавляй! – уже на ходу крикнул Алик и заскользил, а при подъёме затопал рысью.

Наш исполнитель физически был крепче меня: прошедший армию, да на пару лет постарше, что в таком возрасте было только в плюс.

Я с голодухи с огромным трудом поспевал за ним. Ног не чувствовал, но они бежали помимо моего желания. Дышалось тяжело – ртом, да ещё от ледяного воздуха начался сухой кашель.

Наконец вышли перед оленями прямо по линии их движения. Поднявшись на небольшую возвышенность, увидели стадо в километре от нас. Аркадий отчаянно махнул рукой, и мы пулей слетели в лощину, по которой стали продвигаться к дикарям.

Одолев очередную возвышенность, увидели стадо в трёхстах метрах – это расстояние прицельного выстрела из карабина, но олени скрылись в распадке.

Вероятно, слегка изменившийся ветер донёс до них запах, а может, они услышали, как снежный наст потрескивает под лыжами, хотя вряд ли – слух у оленей так себе, чуть лучше, чем зрение, а вот нюх – как у ищейки.

Чтобы вновь увидеть стадо, нам пришлось подняться на пологую сопку. Олени скопились внизу, в распадке, напоминавшем чашу или воронку; они стояли, казалось, плотной группой, но далековато – не менее полукилометра от нас.

Лёгкий ветерок послал оленям спасительную весточку, и они начали двигаться по склону распадка по кругу, постепенно набирая высоту, чтобы унести от нас на восток. Аркадий сорвал карабин и начал стрелять. Стадо казалось настолько плотным, что невозможно было промахнуться. Даже я не удержался и посылал одну пулю за другой в сторону несущихся оленей, стараясь целиться намного выше – прицельный бой у гладкостволки не превышал ста метров, вот я и использовал принцип гаубицы или мортиры.

Под канонаду наших орудий карибу покинули распадок и бросились на восток. Мы из последних сил рванули в низину, напоминавшую жерло потухшего вулкана.

В это трудно было поверить, но в распадке не было ни одного поверженного оленя. Более того, спустя полчаса мы убедились, что и следов крови нигде не было. Это было похоже на чудо. Только чудо это не было спасительным для нас.

Уже затемно мы с трудом, собрав последние силы, добрались до зимовья. Нас встретили обеспокоенные и очень голодные ребята. Мы сидели на табуретах посреди тёплой избы и про-

тивно оттаивали, не находя сил раздеться. Аркадий снял со спины карабин и бросил его на кровать, а я так и сидел в полной выкладке. Все молчали.

– Олени были, целое стадо. Только они «сытее» нас оказались – не достали мы их. А где лемминги? – обратился Алик к Тёсе, натужно улыбнувшись.

Наташа с Саней принялись раздевать нас. Вся одежда, валенки и бельё, несмотря на мороз, были мокрые от пота и снега.

Пока Тёса развешивал промозглые шмотки у горячей печки, Наташа налила чай. Аркадий со словами: «Хоть какие-то калории», – достал спирт; Тёса принёс стопки, воду и стаканы.

Колбаса кончилась ещё утром, как и все крупы. Я взял мешок и насыпал всем по две ложки крошек от черных сухарей. Они тоже почти кончились.

– Сегодня пропускаю, – сказал я, отставляя ещё пустую стопку; воспоминание о последнем застолье ещё беспокоило меня.

Ребята выпили, мы пожевали крошки с чаем и закурили «Шипку» – «Camel», как и остальные деликатесы, исчезли из нашего рациона.

В этот раз планов на завтра не строили. Погасили пятилинейную керосиновую лампу с последним треснутым стеклом и тихо, без обычных разговоров и обсуждений, расплзлись по спальникам.

Я проснулся от голода... Рассвет осмелел и, набирая силу, осветил уже всю избу, оставаясь неприветливо холодным.

Вечерний чай настойчиво просился наружу. Повернувшись на спину и пересилив очередной приступ тошноты, я, отчаянно бултыхаясь, как оглушённая рыба на берегу, вылез из спальника и сел на кровать.

С трудом сполз на пол и выгреб валенки из-под кровати; со старческим кряхтением поднялся, опустил в них ноги, надел полушубок, шапку и вышел из избы. Пройдя полутёмные сени, рванул на себя дверь и вышел наружу.

Не отходя далеко, я обильно окрасил снег охрой и тщательно засыпал свою пометку свежей порошей.

Поглубже вдохнув утренний воздух, почувствовал некое подобие бодрости. По неистребимой охотничьей привычке, не спеша, начал оглядывать окрестности зимовья.

Неожиданно закружилась голова; голой рукой я вцепился в ледяной сруб и ещё раз внимательно посмотрел на пологий склон ближайшей сопки.

– Ну всё, приехали!

Весь снег, укрывший склон глубоким слоем, словно ожил и напоминал начинавшую закипать манную кашу. Его поверхность не двигалась, но вместе с тем была живой. Я видел еле заметные изменения в снежной массе. Что было сил, напряг зрение и подумал: «Нет, это не манная каша, скорее, это слой тополиного пуха, который слегка шевелится и дышит под легчайшим движением воздуха. А вот красноватые точки – это же крошечные тополиные семена».

Я так увлёкся разгадкой природы этого миража, что совсем забыл, что ближайшие тополя – за много тысяч километров, да и сезон явно не тот.

Наблюдая и размышляя, медленно двигался по направлению к подножью холма. Движение пуха становилось всё заметнее, а семена делались всё ярче и, наконец, стали совсем красными, как крошечные ягоды калины. Я пришёл в себя только когда недовольные куропатки, отпрянув от моих ног, продолжили своё движение, обходя меня со всех сторон.

Черт меня возьми – это действительно были куропатки!

Насколько хватало взгляда, вся поверхность острова была покрыта белыми куропатками, которые, повинаясь вековому инстинкту, шли к морю, дабы пересечь его по льду и уйти на материк. Численность стада белых куропаток, мигрирующих с Котельного, доходила до миллиона особей.

– Это же куропатки, это же еда! – Я сорвался с места, в несколько прыжков достиг сруба и вломился в зимовье.

– Куропатки у избы! Много!

– Да где? Сколько?

– Сотни! Тысячи! – заорал я, срывая с гвоздя свою одностволку. Открыв патронташ, забубнил: – Не то, не то! – Высыпал патроны на спальник – все они были с пулями или с картечью.

Ребята, судорожно сбросив спальники, натягивали одежду и валенки. Я стремительно схватил чемодан, открыл его трясущимися руками и выудил нужную коробку с патронами:

– Вот он – бекасинник¹⁰!

Набив карманы полушубка патронами, схватил ружьё и бросился к выходу.

– Серёга, да подожди ты! – Аркадий сдёнул со стены Наташин бокфлинт¹¹, вытащил патроны и, отчаянно воскликнув: – Двойка! – в сердцах бросил «Зауэр» и патроны на кровать.

Я выскочил из избы и бросился в гущу стаи куропаток, остановился и попытался успокоиться. Живая белая масса обтекала меня, как большая неторопливая река – одинокий валун посреди русла. Где-то слева я краем глаза увидел Тёсу, который, размахивая руками, загонял куропаток на меня.

Сломав ружьё, вложил патрон в воронёную чернь ствола, уже пахнувшего кровью, успокоил дыхание, поднял ижевку и обдуманно выцелил скопление курочек метрах в пятнадцати от себя. Выстрел – и три-четыре куропатки остались на снегу, украшенные алым бисером смерти.

Десять выстрелов – и десять неподвижных островков посреди живого потока.

Я внимательно, словно усердный бухгалтер, считал каждый выстрел и всё-таки после десятого с призрачной надеждой на чудо обшарил карманы полушубка – пусто!

Сильный толчок в левое плечо застал меня врасплох, я едва устоял на ногах. Мимо меня с двухстволкой в руках рванула вперёд Наташа. Она остановилась, умело приложила приклад к плечу и щеке, щёлкнула предохранителем и пальнула в толпу куропаток.

Бабах... – и на снегу растекается кровавая каша. Бабах... – и ещё одно пятно красного фарша украсило снежную поверхность.

Я даже не успел что-либо сказать или крикнуть, как наша худенькая геодезистка внезапно подпрыгнула на месте, по-девчачьи взвизгнула и, схватив за стволы штучный экземпляр «Sauer & Sohn»¹², стала с пугающим азартом колотить прикладом неторопливых, милых курочек.

После каждого удара теряли подвижность одна, а то и две куропатки. И всё-таки приклад – это не заряд дроби, и некоторые из поверженных птиц приходили в себя и пытались отползти в сторону. Наташа, вероятно, заметив это, удвоила силу удара.

Все мужики стояли оцепенев. Аркадий подоспел к кульминации охоты.

Я любовался Наташей, её точёной фигуркой и первобытной яростью охотницы. Внезапно, с неоспоримой чёткостью, я увидел прекрасный мираж: стройная, элегантная дама в чёрном концертном платье колошматила беззащитных белых куропаток чарующей скрипкой «Леди Блант»¹³ великого Страдивари, оставляя на снегу дёргающиеся тельца долгожданной дичи.

¹⁰ Бекасинник – мелкая охотничья дробь № 8, 9 или 10 (диаметром 2,0–2,5 мм), предназначенная для стрельбы по мелкой дичи – бекасу, дупелю, перепелу и другой болотной и полевой птице.

¹¹ Бокфлинт (от нем. Bockflinte) или вертикалка – охотничье ружьё с вертикальным расположением стволов (один над другим).

¹² Sauer & Sohn – легендарная немецкая оружейная фирма; её штучные ружья с гравировкой считались эталоном качества и изыска.

¹³ Скрипка «Леди Блант» – инструмент работы Антонио Страдивари (1721). Считается самой ценной и дорогой скрипкой в мире.

«Может, не зря вспыхнула во мне та неожиданная сумасшедшая страсть к этой девушке?» – стремительно пронеслась потаённая догадка...

После очередного удара отчаянной силы уникальный инструмент разлетелся в щепки. Неизвестный брат Антонио Страдивари, вероятно, перевернулся в родовой кремонской усыпальнице.

Алик, сбросив оцепенение, коршуном подлетел к жене, выхватил остатки бокфлинта и, яростно размахнувшись, забросил его метров на десять в сторону от побоища. Не теряя инерции броска, пульей влетел в зимовье и, уже через мгновение выскочив оттуда, спокойно и методично стал забивать куропаток совковой лопатой, время от времени легко отталкивая Наташу, которая, не утратив охотничьего пыла, пыталась завладеть орудием мужа. Тёса всё ещё загонял дичь, забавно размахивая руками.

Не помню точно, но, по-моему, именно я остановил это побоище, крикнув:

– Жрать хочу! Хватит уже...

Мы собирали побитых куропаток и относили их в сени. Аркадий, тщательно собрав все обломки штучной двустволки, отнёс их в зимовье.

Растопив печку, мы поставили на неё большую кастрюлю и вышли в сени. Там, отобрав штук восемь куропаток побольше и поцелее, начали их ощипывать.

Из комнаты вышла Наташа и пристально посмотрела на нас, но никто не улыбался и не пытался шутить, глаза, правда, отводили. Тогда она сказала:

– Плюньте вы на это! Сейчас кипятком обварим – и перья сами выпадут.

Мы бросили куропаток и, голодно сглатывая, закурили. Все молчали, вспоминая минувшую битву.

Через полчаса обильно обдали куропаток кипятком, но перья почему-то не опали. Тогда голодная Наташа нашла радикальное решение:

– Давайте попросту шкуру сдерём вместе с перьями.

Вскоре мы сидели за столом. Перед нами немыслимым ароматом парили четыре миски с бульоном, на поверхности которого плавали крошечные золотистые островки птичьего жира. Всё, что происходило с нами, казалось страшной сказкой со счастливым концом.

Аркадий, улыбнувшись, налил спирт в стакан Наташе, плеснув сверху водички, затем поднёс бутылку к моей стопке, приостановился и посмотрел на меня. Я согласно и уверенно кивнул головой. После меня Алик наполнил остальные чарки и, подняв свою, торжественным голосом провозгласил:

– Ребята, за удачную охоту! За нас!

Мы выпили спирт и сразу ощутили приятный огонь в желудке. Затем, не спеша, с наслаждением начали ложками прихлёбывать наваристый бульон. И только тогда выпитое начало обволакивать мозг, принося спокойствие и веру в лучшее.

Несколько минут в избе стояла тишина, только ложки бренчали по алюминиевым мискам да раздавалось довольное сопение оголодавших полярников. Когда частота перезвона посуды заметно снизилась и все, оторвавшись от еды, сыто распрямились, Тёса попросил Алика повторить со словами:

– Имею тост!

Мы подняли стопки. Саша встал и без тени улыбки сказал:

– За Наташу...

Все ждали продолжения, но Тёса, как учил Станиславский, держал паузу, пристально глядя на Наташу.

Вдруг я увидел, как Аркадий с женой начали трястись от беззвучного смеха, да и я был готов расхохотаться. Стопка у Алика так тряслась, что спирт расплёскивался – сначала каплями, а затем струйкой, орошая клеёнку обеденного стола.

– Ну, давайте, выпьем уже, – и Саня, протянув стопку к Наташе, чокнулся с ней, а затем с остальными. Выпив, он, всё ещё стоя у стола, задумчиво и весомо произнёс:

– Всем мужикам с сегодняшнего дня предлагаю объявить бойкот Наташе за уничтожение стада милых белых куропаток особо циничным способом... – Последние слова его потонули в общем хохоте.

С этим смехом выплеснулось всё: и пережитый голод, и ежедневное чувство безнадёжности, и утрата веры в счастливое избавление, и потеря надежды увидеть Москву, дом, любимых и близких людей.

Мы по-прежнему сидели в избе на краю света, и пока не было способа забрать нас отсюда и вернуть домой, но эта маленькая победа, которую мы все вместе одержали сегодня, дала нам надежду и уверенность в своих силах.

Кстати, забегаая вперёд, расскажу, что в Москве Аркадий нашёл замечательную оружейную мастерскую, где полностью, без следа повреждений, восстановили штучную двухстволку «Зауэр три кольца».

Устало облокотившись о стол, мы млели от спирта, сытости и осознания сплочённости нашего маленького коллектива.

Я посмотрел на Наташу и вспомнил её отчаянную битву за выживание с белыми куропатками.

Она, поймав мой взгляд, застенчиво улыбнулась. Прикрыв глаза, я попытался разобраться в себе и не нашёл в душе ничего, кроме спокойствия и уверенности. А та острая льдинка, пронзившая моё сердце много дней назад, сегодня вечером растаяла без следа.

Под наркозом алкоголя и сытости мы проспали до полудня, и только отчаянный собачий лай возле зимовья разбудил нас.

Кое-как набросив одежду и надев валенки, мы стали выбираться из избы. Возле двери сутились два полярника, разгружая тяжёлую поклажу; чуть поодаль, запряжённые в нарты, рвались и лаяли разномастные ездовые собаки.

Один из прибывших, явно главный, был невысок ростом, сухоощав и тёмен лицом. Полярное солнце превратило его то ли в якута, то ли в чукчу, хотя скуластое русское лицо нельзя было ни с кем перепутать. На вид ему было под пятьдесят. Второй, совсем парень, двадцати с небольшим лет, был высок и широк в плечах.

Старший из них распрямился и, приветливо улыбнувшись, представился:

– Охотник Васильев. – Немного небрежно указав на парня, сказал: – Лёха, мой помощник. Кто главный у вас?

Аркадий вышел вперёд и назвался. Васильев, говоря что-то на ходу, увлёк его в зимовье. Не дойдя до двери, обернулся к нам и попросил:

– Помогите Лёхе снаряжение разгрузить и в избу отнести.

Мы все вместе начали перетаскивать ящики и тюки. Лёша стащил с нарт большую оленью ногу со снятой шкурой и бросил её в сени. Взяв топор, он отрубил кусок мяса с костью и передал его Наташе. Оставшуюся большую часть он положил на лавку под окошечком и попросил меня:

– Накромсай строганинки: за стол скоро сядем – закуска будет, – и вышел на улицу.

В сенях я остался один, все куда-то разошлись. Достав свой острый, как бритва, охотничий нож, стал неторопливо снимать полупрозрачные завитки оленины. Настрогав небольшую горку, положил одну стружку в рот, первый раз в жизни попробовав полярную строганину. Это было странное, неизведанное ощущение. Завиток растаял, оставив на языке удивительный вкус Арктики. Я брал то сверху, то снизу, и, может, именно поэтому они имели разное звучание; отправлял на язык следующую, затем ещё и ещё...

Из комнаты в сени вышел Васильев, протянул мне руку и представился:

– Охотник Васильев. Васильев.

– Сергей, – встал я, ответив на его рукопожатие.

– Значит, Серёжа, – как-то особенно ласково заключил он.

Охотник стал рыться в привезённых ими сумках и баулах. Открыв один из них, он выудил оттуда оленью шапку-малахай, отороченную спереди пушистым белым мехом то ли полярного волка, то ли собаки. Взял её тёмными мозолистыми руками и протянул мне:

– Носи, Серёжа!

Я снял свою вязаную шапку с помпоном и надел малахай. Он как-то особенно ладно и тепло сел на мою голову.

– Вот теперь ты настоящий полярник, Серёжа...

Что-то давнее и доброе было в этом обращении, но ни в этот день, ни впоследствии я так и не узнал его истории. Он избегал вопросов о себе и своей семье.

Васильев достал пачку Беломора ленинградской табачной фабрики имени Урицкого – лучших папирос в Союзе, – протянул её мне и мягко сказал:

– Покури, Серёжа, покури...

Эта фраза стала его присказкой на месяцы нашего совместного проживания.

Мы откинулись на брёвна старого сруба и блаженно утонули в успокаивающем папиросном дыму, менявшем свои очертания, словно капризное северное сияние.

Завиток второй. Дорога в Арктику

Ранней осенью семьдесят первого, за полтора года до окончания института, я женился. Моей избранницей стала Света, Светик – очень красивая, милая девушка с изысканной седой прядью в густых юных волосах.

Наши общие друзья, молодая пара врачей, сделали замечательный свадебный подарок – ключи от квартиры, где мы смогли провести первые два месяца совместной жизни.

Ко дню нашей свадьбы Света уже окончила институт и вышла на работу, а я был на каникулах до конца сентября. Ежедневно мне звонила мама: она учила меня покупать нужные продукты и готовить из них вкусную еду. Я ходил по продовольственным магазинам и учился поварскому искусству.

Мама всегда и всем говорила, что терпеть не может готовить, но делала это настолько здорово, что невольно складывалось впечатление, будто она лукавит.

В холостой жизни я умел готовить только яичницу с ветчиной; всё остальное осваивал в эти дни.

Кто бы мог подумать, насколько новые навыки будут полезны в моей дальнейшей жизни, причём очень скоро.

В дни медового месяца я делал это от безделья и с целью заслужить одобрение любимой. И оно было – одобрение и признание.

Помню, дней через двадцать после начала моей поварской стажировки, как-то вечером Светик, придя с работы, обняла меня за плечи и, оставив там руки, нежно поцеловала. Положив лицо мне на грудь, прошептала:

– Я стала любить тебя намного больше, чем раньше, узнав, что ты можешь быть таким заботливым, предупредительным и внимательным ко мне.

Спустя много лет я понял, что вовремя помытая посуда с успехом заменит флакон французских духов.

В эти месяцы я очень много думал о нашей дальнейшей жизни, где, казалось, всё было предначертано и не предвещало удивительных приключений и путешествий, которые так манили меня с детства. Правда, оставался вопрос о детях – сколько и какие?

Вспомнился хмельной мартовский вечер на платформе станции метро «Парк Культуры».

Ранней весной шестьдесят восьмого года нас было четверо: Тёса Большой, Кум Евсей, Тёса Маленький и я.

Друзья встречали меня после свидания с Леночкой – Алёнкой, моей первой любовью.

Наша дружба была так крепка, и друзья настолько любили меня, что не могли оставить одного после свидания: привезли несколько бутылок сухого вина из магазина «Молдавия» на Земляном валу. Мы распивали их возле первых домов Комсомольского проспекта, где жила моя любимая.

Выпив вина, накурившись и замёрзнув до синевы в губах и невнятной речи, мы спустились в тёплое чрево метро, уселись на лавку у последнего вагона и начали мечтать о будущем.

Молдавская «Примэвара», разогнав кровь в юных телах и душах, укрепила нашу дружбу и потребовала поделиться сокровенными мечтами.

– Я хочу сына! – признался я.

– И я хочу мальчика.

– Да, сын – это здорово!

– А я дочку хочу, – неожиданно нежно сказал Кум Евсей.

Он сказал это так ласково, как играл на гитаре.

Наш педагог, замечательный гитарист Владимир Славский, шутливо говорил:

– Если играть произведения испанских композиторов – что-то бурное и темпераментное, – то это Сергей. А если лирическое и нежное, – это Володя. Хотя во всём есть исключение: ведь Серёжа играет «Лунную сонату» как никто! Впрочем, никто в Москве больше и не пытается. Кто ещё захочет так пальцы калечить? – со смехом заканчивал Славский.

Какие пророческие слова: у меня – три сына, у Тёсы Большого – сын, у Маленького – сын, а у Володи Евсеева – дочь.

Спустя два месяца мы со Светой перебрались в комнату, которую нам сняли её родители по соседству со своей квартирой.

Комната была маленькой, но изолированной. Соседкой по квартире оказалась настоящая Шапокляк лет под восемьдесят. Эта вредная бабка не очень дружила с головой, но имела удостоверение ветерана КПСС. Весь балкон, общая кухня и даже ванная были забиты старыми ржавыми ведрами, тазами и кастрюлями с зияющими дырами.

Ни под каким видом старая большевичка не соглашалась с ними расстаться. Более того – количество винтажных изделий постоянно росло, вероятно, коллекцию пополняли старые партийцы, уходящие в коммунистический рай под звон литавр.

Её соседка, сдавшая нам комнату, давно поняла тщетность наведения порядка в местах общего пользования и покорно съехала с Вороньей Слободки, доверив дальнейшую борьбу с дряхлой, но несломленной большевичкой юным молодожёнам.

Нас хватило на полгода – и вслед за хозяйкой комнаты мы бежали из этого мавзолея.

На сей раз нас приютили родители Светы – замечательные люди, которые меня очень полюбили, а я отвечал им взаимностью. Но уже через несколько месяцев я осознал старую мудрость: «Родителей и взрослых детей надо любить издалека».

Как-то раз, приехав в отчий дом, я застал папу одного – мама бегала по магазинам.

Отец, выслушав меня, рассказал, что вскоре после войны, работая военпредом в Навашино, он сдал экзамены в адъюнктуру Военно-инженерной академии:

– Перебравшись в Подмоскowie, мы поселились у родителей твоей мамы. Ты же знаешь, какие замечательные люди Семён Иванович и Надежда Николаевна. Но, прожив там около года, я почувствовал, что отношения с ними перестали быть безоблачными – пришлось снять квартиру в Москве, а через год нам дали комнату в Хамовниках.

– Надо что-то придумать, чтобы у вас со Светой была своя квартира. Мы вместе с её родителями как-нибудь набрали бы на первый взнос, но все деньги потратили на вашу свадьбу. Надо было поскромнее всё организовать. Может, тебе подрядиться на шабашку или в экспедицию какую устроиться? – предложил он.

– С шабашкой не получится – нужна строительная специальность, да и защита диплома в середине февраля. А зимой какая стройка? А вот по поводу экспедиции надо подумать, поискать знакомых, – задумчиво ответил я.

На следующий день мне позвонила мама:

– Серёжа, ты помнишь моего двоюродного брата, Женю? Он известный учёный-гидролог, много времени провёл в экспедициях – у него обширные связи в этом мире. Я уже позвонила ему: надо тебе с ним встретиться!

Дядю Женю Себенцова я помнил очень хорошо: красавец-мужчина, гренадерского роста и стати, неоднократно женатый, любимец женщин. Вечно мама с сёстрами обсуждали его очередную пассию.

Через несколько дней я сидел в большой квартире на четвёртом этаже «сталинского» дома на Ленинском проспекте. Встретил он меня очень приветливо и всё повторял:

– Ну и изменился же ты, Сергей, – не узнать! Я помню тебя вечно лысым и лопоухим..., да ты не обижайся! А теперь какие волосы! Явно не в Толю (мой папа начал лысеть лет с двадцати).

Дядя очень подробно расспросил о моей учёбе в институте. Был очень обрадован, узнав о геодезической практике после второго курса:

– Это очень кстати! Сергей, цель твоей экспедиции – это заработок на кооператив, ну и путешествие, наверное? Ирина рассказывала, что ты и по пещерам лазал, и по горным рекам сплавлялся, пока учился.

– Дядя Женья, квартира очень нужна – хочется жить независимо от родителей. Ну а путешествие – это здорово! В армии я не служил, надо как-то правильно начать взрослую жизнь. Так что готов работать хоть на Северном полюсе, хоть на Южном, но больше всего мечтаю поработать на научно-исследовательском судне Академии наук, – ответил я.

– По поводу исследовательского судна – это вряд ли, а вот Антарктида – может быть... Есть у меня близкий друг, уже несколько лет начальник отдела кадров в Ленинградском Арктическом и Антарктическом НИИ. Он мой должник, так что поможет! На днях свяжусь с ним и перезвоню, а теперь давай чай пить... с коньяком.

Уже этим вечером он позвонил мне, чтобы уточнить дату защиты диплома:

– Если удастся направить тебя в Антарктиду, то необходима твоя готовность вылететь в нужное время.

Я тут же обложился книгами, в который раз перечитывая драматическую историю освоения Антарктиды, изучал информацию о научных станциях на белом континенте и до рези в глазах рассматривал фотографии огромных айсбергов и забавных пингвинов.

Через несколько дней пришла радостная весть: в конце февраля семьдесят третьего года будет рейс в Антарктиду на станцию Молодёжная.

– Пока удалось устроить тебя на станцию механиком, по-простому – разнорабочим. Оклад небольшой, всего восемьдесят рублей в месяц, но зато коэффициент два ноль и суточные в валюте, по-моему, долларов тридцать в день. Когда вернёшься, сможешь и квартиру купить, и машину.

– Дядя Женья, спасибо огромное!

– Спасибо потом, а не позже, чем через месяц, надо тебе в Питер съездить, познакомиться, заявление написать.

– Я на днях в Гороховец на месяц уезжаю – военные лагеря. Если можно, то после приезда.

– Ничего страшного, давай через месяц, только не пропадай – звони сразу, как со службы вернёшься, лейтенант!

Приехав из лагерей, я уже на второй день дозвонился дяде Жене.

– Вот какая незадача, Сергей, моего питерского приятеля на пенсию отправили, а новый кадровик своего человечка устроил – деньги-то немаленькие... Но ты не расстраивайся, обещают тебя на дрейфующую станцию СП-21 отправить, тоже механиком. Так что вместо пингвинов с белыми медведями пообщаешься, – сказал он.

Когда человек уходит на пенсию, то как-то сразу вылетает из обоймы, делается ненужным и малоинтересным для бывших сотрудников и знакомых, ну, разве что кроме верных друзей и ближайших родственников.

Не успел я подробно изучить историю создания и хронологию дрейфующих станций «Северный полюс», как и оттуда пришёл отказ – опять помогли нужному человеку.

На этот раз Евгений Евгеньевич взял всё в свои руки. Он обратился к своему ученику, главному инженеру московской геодезической экспедиции, Владимиру Бирюкову. Уже через несколько дней мы втроём сидели в здании экспедиции на Второй Фрунзенской улице и обсуждали моё будущее.

Когда главный инженер узнал, что я закончил Оптико-Механический факультета МИИ-ГАиК, то сразу предупредил:

– Только рабочим. Сразу после защиты диплома отдохнёшь чутка и сюда: надо до отъезда в поле, в камералке поработать. Если есть ещё друзья, которые мечтают по Северу помотаться – приводи, устроим на сезон, а то с рабочими туго стало. Костяк, конечно, есть – эти каждый сезон в поле едут, но таких немного, а новые наниматься приходят – так алкаши одни да бомжи. Ждём в конце февраля – начале марта, всех сразу и устроим, – предложил главный инженер.

– А где полевые работы в этом сезоне будут? – спросил дядя.

– Командорские острова, Новосибирские острова, остров Врангеля, дельта Лены и Верхоянский хребет. Только хочу сразу предупредить: на высокооплачиваемую сдельную работу по триангуляции, нивелировке и постройке пунктов рассчитывать не стоит. Там исполнители берут своих рабочих или присматривают матёрых мужиков, а вот на астрономо-геодезию могу обещать!

– Правда, заработок там невысокий, даже с учётом коэффициента и премии: ну, рублей двести пятьдесят в месяц, не больше. Если сезон будет недлинным, то на квартиру может и не хватить. Не пугает? – улыбнувшись, спросил Бирюков.

– Всё отлично, наскребу как-нибудь, – успокоил я главного инженера и себя.

Они с дядей Женей остались поболтать, а я поехал домой.

Покачиваясь в вагоне метро, я думал: «Ну почему же все геодезисты и картографы так не любят студентов-оптиков? Они называли нас грёбаной аристократией... Это мы-то?!»

На следующий день мы с Тёсой Маленьким сидели в ПБ на БХ (так студенты называли популярный пивной бар на улице Богдана Хмельницкого).

Я завораживал Сашу Белым Безмолвием и Северным Сиянием: мы стреляем уток, ловим нельму, чира и огромного гольца Дрягина в дельте Лены; а вот мы уже в родильном доме белых медведей на острове Врангеля или охотимся на северных оленей на Новосибирских островах, опасливо обходя стаи легендарных белых волков; несмолкаемый гомон доверчивых глупышей и поразительно ярких морских попугаев-топорики на скалистых птичьих базарах Командорских островов, а мы пробираемся к океану через ленивые тела морских котиков, чтобы насладиться «свечкой» синего кита, который стремительно взлетал в воздух, на несколько секунд покидал морскую пучину и, замерев на мгновение в высшей точке, с оглушительным всплеском вновь падал в океан огромным прекрасным телом, обдавая волнами и солёными брызгами всё вокруг на десятки метров...

Этим вечером нас стало двое.

Через несколько дней в институте ко мне подошёл наш приятель, Володя, которого ещё во время учёбы я увлёк на байдарочный сплав по майской Мсте, а затем пригласил в зимний поход по крымским пещерам на плато Чатыр-Даг.

Я был удивлён его просьбе отправиться с нами в экспедицию, но, зная его только с лучшей стороны и вспоминая свойственную ему аккуратность и дотошность не только во время учёбы в институте, но и при подготовке походов, да и на маршруте, обещал помочь.

Так нас стало трое.

Как-то вечером мне позвонила тётя Галя – сестра моей мамы, врач-педиатр, и попросила:

– Серёж, пожалуйста, возьми с собой Володю, он же брат тебе, хоть и двоюродный! Работает на аттракционах в парке, выпивать начал часто. Для него Север – это спасение!

– Я постараюсь, пусть звонит.

Мои кузены, Володя и Рустат, были для меня близкими людьми. С детства летние каникулы, да и многие выходные мы проводили вместе в Бутово, в доме наших бабушки и дедушки. Оба брата прекрасно ориентировались в лесу, у них словно компас был в голову встроен. Заблудиться с ними было невозможно, при этом они не определяли стороны света, не рассматривали мох на стволах и не использовали другие природные приметы – всё это происходило в их мозгу автоматически.

Я же ориентировался из ряда вон плохо; если же шёл с человеком, знающим дорогу, в новое для меня место, вот тут совсем беда – а как идти обратно? Это называется «топографический кретинизм»!

Мы встретились все вчетвером и решили, собрав необходимые документы, устроиться на сезонную работу в начале марта.

Я позвонил главному инженеру и доложил, что новобранцы в количестве четырёх человек прибудут в распоряжение геодезической экспедиции в первых числах марта.

– Какие нужны документы?

– Паспорта, трудовые книжки, если есть, и заключение медкомиссии районной поликлиники о пригодности к работе в условиях Крайнего Севера. Дипломы не нужны, – со смехом закончил разговор Бирюков.

В конце февраля, вскоре после защиты диплома, я отправился в поликлинику с направлением от главного инженера экспедиции. Без сучка и задоринки проскочив всех врачей, направился к терапевту, который должен был дать окончательное заключение, и вот тут я сдрейфил.

Дело в том, что меня с детства преследовала фолликулярная ангина. Случалась она периодически то в лёгкой форме, то посерьёзнее, а однажды, учась на первом курсе, я еле выкарабкался. Целый месяц пролежал дома с температурой под сорок, питаюсь только жидкой пищей. Два раза в день приходила медсестра и делала садистские уколы в гланды – жутко вспомнить.

Мама умоляла меня не скрывать это заболевание.

Терапевтом оказалась очень симпатичная молодая дама. Посмотрев заключение всех специалистов, заинтересованно спросила:

– Значит, на Крайний Север?

– Да, в экспедицию, – старательно бодро ответил я.

– Что беспокоит? Что-то не так, по-моему?

Я сдался и рассказал ей про ангину.

– Для Вас, дорогой мой, Крайний Север – это лучший санаторий, я пять лет с мужем в Хатанге жила и работала. Чем там только люди ни болели: и цингой, и белой горячкой, а вот с ангиной уже через полгода прощались на всю жизнь! Уж поверьте мне. То ли суровый климат, то ли спирт питьевой – уж и не знаю, но думаю, это как на фронте; читали, наверное, что на войне у многих язва желудка зарубцовывалась и другие хронические заболевания бесследно исчезали. Резервы человека даже трудно представить: а в суровых условиях, в критических ситуациях, они используются на все сто...

– В добрый путь, и больше не болейте, привет Арктике!

«Годен», – расписалась она в медицинской справке.

В первых числах марта мы вчетвером приехали в помещение геодезической экспедиции на Второй Фрунзенской улице. Сдав документы на оформление, начали скучную кабинетную работу в камералке.

Здесь нам предстояло провести от трёх до шести недель за расчётами результатов наблюдений прошлого сезона, и каждый день проходить обучение технике безопасности экспедиционных работ.

В начале апреля меня вызвал Бирюков и сказал:

– Сергей, хочу включить тебя в бригаду молодых супругов, астрономов Аркадия и Наташи. Они, как и ты, только выпустились из МИИГАиК, с астрономо-геодезии. Вы ровесники, вам вместе интереснее будет. Выбирай любого из своих ребят для вашей команды. Завтра они из отпуска выйдут – встретитесь.

Мы с Тёсой уже давно решили работать вместе, так что и этот вопрос был решён.

На следующий день мы познакомились с исполнителями. Они на днях улетали в Ташкент для определения личной разницы¹⁴ астрономического универсала WILD на геодезическом полигоне.

Алик позвал нас с Сашей в парк имени пламенного революционного трибуна Александра Мандельштама, возле метро Фрунзенская, попить пивка и познакомиться.

Здесь возле пруда единым блоком стояли четыре пивных ларька, образуя своеобразный жигулёвский куб, у которого два окошка разлива выходили на пруд, а два – в сторону ограды парка.

Вся эта конструкция напоминала знаменитое наполеоновское каре, которое успешно держало оборону против московских любителей пива. Местные острословы называли её – «Могучий кулак».

Наташа хотела поехать домой, но передумала, и мы вчетвером проходили обряд знакомства разливным пивом и круто посоленными сушками. Пуд соли нам ещё только предстояло съесть в экспедиции, но и крупных её кристаллов – вместе с пивом – хватило для возникновения взаимной симпатии.

Алик поведал, что полетим мы в Тикси, а оттуда нас забросят или в дельту Лены или на острова.

– Аркадий, – спросил я, – почему ты Алик и Аркадий? Ведь это совсем разные имена, или я что-то путаю?

Он засмеялся:

– Да нет, всё верно. Моя мама хотела назвать меня Аликом, а какое полное имя – не знала и попросила выяснить отца. Тот пошёл в синагогу и обратился к раввину, который уверенно заявил: «Ну конечно, Аркадий!»

Вот такая история...

Уже завтра на работе мы получим список продуктов, которые необходимо купить в Москве, и деньги под расписку. Алик обрадовался, когда узнал, что у меня есть ружьё и мне приходилось охотиться.

– Обязательно дам денег и на патроны. Надо купить под твой шестнадцатый калибр и под мой двенадцатый. Ещё необходимо найти знакомых с охотничьим билетом, чтобы купить порох. Кроме того, понадобятся гильзы, капсюли, пыжи, дробь и пули. Подумай, что ещё будет нужно, завтра скажешь, а сети для рыбалки купим в Тикси, – глаза Аркадия горели охотничьим азартом.

– Ребята, а кому приходилось варить супы и каши, готовить мясо и рыбу? – вмешалась Наташа.

– Я всё это умею: как женился, так и освоил, – засмеялся я.

– У меня есть несколько хороших кулинарных книг для полярников, там рецепты блюд из рыбы, дичи и оленины. Я обязательно возьму с собой, – пообещала Наташа.

Они вскоре уехали домой, а мы с Тёсой остались обсудить за пивом новых знакомых и набросать планы на ближайшее будущее.

Через день мы провожали астрономов в Ташкент, надо было помочь им загрузить аппаратуру в Домодедово.

– Через пару недель будем. Купите все продукты и снаряжение по списку. Сергей, не забудь про порох, – прощаясь, напомнил Аркадий.

Всю следующую неделю мы с Сашей закупами продукты и упаковывали их в картонные коробки и рюкзаки. Хорошо запомнил датское топлёное масло в жестяных коробках по четыре килограмма. Никогда такого не пробовали и даже не видели. Мама попросила купить одну

¹⁴ Личная разница (личное уравнение) – систематическая погрешность наблюдателя при фиксации момента прохождения светила через нить окуляра, обусловленная индивидуальной скоростью реакции.

банку для неё, на пробу. Масло неожиданно оказалось совсем светлым, цвета парного молока, и поразительно вкусным.

Когда я жил с родителями, то мы покупали молоко у женщины, обитавшей в одной из деревень на Рублёвском шоссе и развозившей его заказчикам возле метро Молодёжная.

Вскипятив молоко, мама разливала его по стеклянным банкам, которые ставила в холодильник, а кастрюлю клала набок, давая стечь остаткам. Густая, жирная пенка засыхала на её стенках. Это золотистое лакомство мы со старшим братом наперебой соскребали ложками и, причмокивая от удовольствия, отправляли в рот.

Так вот, датское топлёное масло – это точь-в-точь любимые с детства сухие пеночки.

Все охотничьи припасы мы с Тёсой закупали в Военторге на проспекте Калинина. Здесь приобрели дробь и картечь различного диаметра, пули нескольких видов, капсюли, гильзы и снаряжённые патроны двенадцатого и шестнадцатого калибров, пыжи и мерки для дробы и пороха.

У папы был близкий друг, страстно увлечённый охотой, который по охотничьему билету купил нам банку бездымного пороха «Сокол» в магазине «Охотник» на Неглинной.

Все наказы наших исполнителей мы выполнили и с нетерпением ожидали их приезда.

Моего брата наконец-то определили в астрономо-геодезическую бригаду. Его исполнитель с помощником, вслед за нашими, улетели в Ташкент, и только наш однокашник Володя по-прежнему аккуратно занимался геодезическими расчётами. Благодаря усердию и уникальной добросовестности он стал незаменим в экспедиционной камералке и только спустя месяц, пригрозив увольнением, получил назначение в бригаду нивелировщиков на Верхоянский хребет.

В последних числах марта из Ташкента вернулись Аркадий и Наташа. Через несколько дней был назначен спецрейс экспедиции в Тикси.

С утра до вечера мы вчетвером упаковывали аппаратуру, охотничье снаряжение и провиант.

Дома мы со Светой собирали меня в дорогу. Укладывали в яровский рюкзак и большой коричневый чемодан, привезённый от моих родителей, одежду, бельё, туристические ботинки и прочее барахло. Только шерстяных и вигоневых носков собралась целая авоська.

Папа дал мне в экспедицию зеркальный фотоаппарат «Зенит», чешскую кинокамеру Admira и наказ:

– Снимай как можно больше, старайся ничего не пропускать, мы с мамой будем с нетерпением ждать фильма и слайдов.

Дня за два до отлёта я обнаружил, что неясная тоска и горечь от предстоящей разлуки с любимой, которые возникли несколько недель назад, стали уступать место зову дороги и ожиданию небывалого путешествия.

Чуть ниже груди, под ложечкой, я стал ощущать томительное, но радостное предчувствие чего-то прекрасного и долгожданного, словно перед свиданием, когда дверь уже приоткрылась, и ты в сумраке прихожей видишь милые, сияющие глаза и слегка приоткрытые нежные губы, ожидающие поцелуя...

Внутри меня натянулась волшебная струна, которая начала вибрировать и звучать с каждым днём, каждым часом всё сильнее и сильнее, рождая удивительную и чудесную песнь странствий.

Это чувство осталось со мной навсегда. Оно, как пьянящий наркотик, стало спутником моей жизни на многие годы, срывало с работы, из дома, разделяло с женой и детьми, увлекая в тайгу, в горы и пустыню; забрасывало в кипящие воды бушующих горных рек и к вершинам ядовито шипящих вулканов.

Каждые несколько месяцев наступало очередное обострение этой неизлечимой, но прекрасной болезни.

А в день отлёта звенящая струна обратилась в магнитную стрелку, которая с неодолимой силой затянула меня в стремительный водоворот Большого Арктического Приключения.

Завиток третий. Тікси

Исток большого путешествия... Самое-самое начало длинного неизведанного пути, к которому ты так долго готовился... Эта дорога обещает тебе не только удивительные открытия и озарения, но и захватывающие приключения, о которых ты даже не подозревал; она подарит тебе новый мир и сверкающие впечатления, а самое главное – она изменит тебя самого. Вернувшись из пронзительного путешествия на край света, ты станешь совсем другим человеком – опытнее, мудрее, глубже...

Исток большого путешествия... Самое-самое начало – какое же это счастье!

Ветер играл нашими волосами и тархтел брезентом штормовок, задувал в уши и не давал прикурить, но не мог остудить юношеский пыл на наших щеках – жар нестерпимого ожидания удивительных походов. Мы мчались по улицам Москвы на открытом экспедиционном грузовике.

Яркое весеннее солнце заставляло нас жмуриться, радостно приподнимая уголки губ. Асфальтовое полотно, будто стремительная река, несло нас к аэропорту. Мы устроились на рюкзаках среди ящиков и баулов экспедиционного скарба. Камералка закончилась – нас ожидала Арктика, легендарная и желанная!

Прошло не более часа, а мы уже грузили наше оборудование в серебристый Ил-18, стоявший на бетонной площадке у границы леса. По трапу поднимали ящики и тюки, ставя их в грузовой отсек и конец пассажирского салона, где предварительно были сложены задние ряды кресел.

Часть тяжёлого груза пилоты попросили поставить в носовой части самолёта. Трап поставили к передней двери возле крыла, и пришёл черёд зелёного ящика с аккумуляторами весом в сто сорок килограммов. Эту фантастическую тару Аркадий выпросил у завхоза экспедиции. Она была сделана из фанеры, укреплённой деревянным каркасом и выкрашенной защитно-зелёной краской. Верхняя крышка открывалась целиком, словно у гроба, лукаво приглашая в просторную домовину.

По длинным сторонам располагались по две прямоугольные ручки, согнутые из пяти-миллиметрового стального прутка, и по одной – на торцах. Ящик закрывался на шесть защёллок, именуемых «лягушками».

Он прибыл в экспедицию, набитый верблюжьими спальниками – саркофаг был огромен, но лёгок.

Незадолго перед отлётом Аркадий выпросил у главного инженера новые аккумуляторы повышенной ёмкости. Они должны были обеспечить работу астрономо-геодезической аппаратуры, радиации, гелиотропа¹⁵ и освещения в рабочей палатке.

Алик смог умыкнуть со склада сорок полностью заряженных аккумуляторных батарей, каждая из которых весила более трёх килограммов. Теперь нужно было упаковать эту драгоценную кладь.

Вот тут-то ему и подвернулся светло-зелёный деревянный макинтош, и, что поразительно, все аккумуляторы влезли в него словно в собственную тару, без зазора.

Коллеги-исполнители дружно отговаривали его от этого решения:

– Как вы такую тяжесть будете в вертолёт грузить, да и в Москве в самолёт затаскивать?

– Плюнь ты на него, разложи по сумкам и баулам – их полно на складе!

Но Аркадий был неумолим, нас с Наташей он вообще не слушал:

– Ничего, дотащим! Зато всё вместе и надёжно упаковано!

¹⁵ Гелиотроп – геодезический прибор, состоящий из лампы, параболического зеркала и системы наведения, служащий для подачи ярких световых сигналов на большие расстояния.

Этому ящику предначертана длинная драматическая судьба, но началась она здесь, в аэропорту Домодедово.

Тащить ящик по трапу в самолёт можно было только вдвоём. Алик взял спереди, а я – сзади; то опускали на ступеньки, то вновь поднимали и толкали вперёд. Казалось, руки выскочат из суставов.

Аркадий зашёл в дверь самолёта и попытался слегка развернуть ящик. Меня повело в сторону, и я со всей силы ударился локтем о переднюю кромку крыла.

Взвыв от боли, бросил неподъёмный груз на ступени. Меня сменил Тёса, и вскоре ребята скрылись в дверном проёме.

Интуитивно потирая ушибленный локоть, я осмотрел крыло. На передней кромке увидел вмятину величиной с кулак.

– Блин, это же авиалайнер! Из чего же он сделан? – изумился я. – Ведь это рабочая часть крыла! И что теперь будет?

Ребята вышли на трап покурить. Подозвав Алика, показал ему на вмятину:

– Это я локтем пробил, меня с ящиком занесло.

– Локоть-то цел?

– Болит, конечно, но вроде цел. А что с крылом делать? Ведь в полёте вся нагрузка на переднюю кромку!

– Да хрен с ним, долетим как-нибудь, только пилотам не говорите...

Видя неуверенность на моём лице, исполнитель предложил:

– Вылетать уже скоро; пойдём, закусим на дорожку да выпьем чутка.

После трёхсот граммов вмятина на крыле перестала пугать, борт благополучно взлетел, а когда погасло табло «НЕ КУРИТЬ!», мы добавили ещё капельку за счастливый полёт и погрузились в усталую дрему, укутанные клубами табачного дыма.

Я проснулся от боли в ушах.

– Это где я? Что происходит?

Горело табло: «НЕ КУРИТЬ! ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ!» В полутёмном салоне все, кроме меня, спали. Я сглотнул несколько раз – уши слегка отпустило. Вышла единственная стюардесса нашего лайнера и негромко объявила:

– Приведите спинки кресел в вертикальное положение, пристегните ремни безопасности, не курите. Через полчаса мы приземлимся в аэропорту Норильска – аэропорт Тикси временно не принимает по погодным условиям.

Я растолкал Саню и поделился новостями. Самолёт опускался вниз, будто ухая с высоких ступеней. Уши закладывало, посасывало под ложечкой. Проснулись астрономы. Вскоре раздался пугающий удар выпущенного шасси; борт вышел на глиссаду и начал ровное снижение к аэродрому. Мы приникли к иллюминаторам и вскоре в прожекторах посадочной полосы увидели стремительные потоки снега, скользящие вдоль стёкол: в Норильске метель.

Гулкий толчок о полосу, отчаянно взвыли винты, пилот включил реверс; самолёт слегка просёл, запели тормоза на стойках шасси; мы остановились, в салоне стихло. Вновь вышла миловидная стюардесса и объявила:

– Уважаемые пассажиры, просьба покинуть воздушное судно и самостоятельно пройти в здание аэропорта – таково указание службы безопасности. О времени регистрации на рейс вас известят дополнительно.

Попытались отыскать тёплые вещи – в таком хаосе это нереально – и направились к выходу в штормовках. Спустившись с трапа, мы поняли: это Север!

Колющий снежный буран набросился на нас, словно рой взбесившихся белых пчёл. Осмотревшись, мы увидели здание аэровокзала: до него более километра. На нас – ни шапок, ни перчаток. Сжавшись и закусив губы, мы бросились бегом. Метель лупила в наши лица, капюшоны слетали с голов; позёмка метровым слоем струилась над бетоном. Под ногами

ничего не видно, пришлось перейти на шаг – скорей бы добраться до спасительных огней аэропорта.

Когда мы вломились в зал ожидания с растрёпанными заледеневшими волосами, напоминающими мочалки, брошенные зимой возле бани, с посиневшими лицами и руками, с шальными глазами, то даже невозмутимые, издававшие виды северяне с изумлением уставились на нас.

Вольготно сидевшие на лавке пассажиры, ожидавшие отложенных рейсов, раздвинулись, уступая место. Здоровенный полярник, сняв с себя меховую куртку, накинул её на Наташу, которая вся тряслась от холода и обиды. Трое работяг, выпивавших возле нас, опустошили стаканы и, налив в них грамм по сто, сунули нам в руки. Алик влил свой стакан в Наташу, которая, закашлявшись, схватилась руками за горло, но ей тут же поднесли лимонад, а в опустевший гранёный стакан вновь плеснули водку – для Аркадия.

Да, мы не сразу пришли в себя, но тут же оценили полярное сообщество, принявшее нас в свой круг. Всё это было неожиданно и так по-братски, что даже слёзы засверкали на моих ресницах!

Слегка отдышавшись, мы принялись благодарить ребят за оказанную помощь. Аркадий добежал до буфета и, будто проводник в плацкартном вагоне, притащил поднос со стаканами парящего чая в мельхиоровых подстаканниках. Утопленные ложки весело позвякивали в такт его шагам. Он купил ещё бутерброды с лососем и бутылку водки, которые всучил нашим спасителям.

Мы уже крепко спали, когда раздался пронзительный вопль динамика:

– Пассажиры спецрейса сто двадцать три Москва – Тикси приглашаются на регистрацию.

Часа через три мы проснулись в креслах самолёта, разбуженные сладким голосом солирующей стюардессы:

– Через полчаса мы приземлимся в аэропорту Тикси; температура воздуха в посёлке около нуля градусов, штиль.

Вновь мы опускались по воздушным ступеням. Дверь кабины пилотов была открыта, и сквозь шум двигателей мы слышали переговоры экипажа:

– Высота полёта дальнего привода – четыреста метров, снижаемся до двухсот...

– Закрывки сорок пять, шасси выпустить...

Бухнуло выпущенное шасси.

– Шасси выпущены, три зелёных, замки...

За иллюминатором было совсем светло, только вот плотное облако, поглотившее наш самолёт, никак не хотело таять. Да это и не облако вовсе, а плотнящий туман. Стюардесса прошла в заднюю часть салона и, усевшись в своё кресло, пристегнулась ремнём.

– Высота шестьдесят, полосу не вижу. Уходим на второй круг!

– Шасси убрать!

Наш борт наклонился, взревел и, набирая высоту, пошёл на крутой вираж.

И вновь:

– Высота полёта дальнего привода – четыреста метров, снижаемся до двухсот...

– Закрывки сорок пять, шасси выпустить...

Вновь бухнуло выпущенное шасси.

– Шасси выпущены, три зелёных, замки...

Мы прильнули к иллюминаторам: белое молоко сплошного тумана не давало увидеть даже конец крыла, только метра два от фюзеляжа, и это всё...

– Высота шестьдесят, полосу не вижу... Будем садиться!

– Интересно: это как? – тревожно подумал я и, обернувшись, посмотрел на стюардессу.

Она как-то вся подобралась...

Мы до последнего момента смотрели в иллюминаторы, пытаюсь разглядеть посадочную полосу... Жёсткий удар о неё возвестил:

– Сели!

Но полосу мы так и не увидели. Я устало откинулся на спинку кресла...

Стюардесса, придя в себя, доложила:

– Уважаемые пассажиры... Ребята... Покидать салон нельзя – сплошной туман. Пока не знаем, куда выгружаться, доехать до вас машина не сможет. Сидим – ждём!

Немного застенчивая улыбка и потупленные глазки с подкрашенными ресницами слегка опустили её с небес и сделали проще и ближе.

Она чуть виновато улыбнулась – искренне, по-девичьи.

Глядя на это очаровательное личико, я вновь уснул. Дрёма была счастливой и ласковой – всё вокруг заняло свои места: ничего не падало, не тряслось, не гудело, какая-то лёгкая дымка окутала меня, нежная и убаюкивающая...

Неожиданно тёплый и вкрадчивый голос бережно разбудил меня:

– Ребята, вышло солнце – можно разгружаться. За вами прибыл транспорт.

Открыв глаза, я увидел надо мной хорошенькую девушку. Улыбнувшись, подумал:

– Какой классный будильник!

Вокруг всё изменилось. Ключья тумана ещё скользили над аэродромом, подгоняемые невесомым прохладным ветром, но над нами, проткнув синее полотно арктического неба, слепило глаза нестерпимо яркое полярное солнце.

Мы торопливо и радостно начали разгрузку самолёта. Нам на помощь прислали двух рабочих из бригад, ещё не заброшенных в поле. Познакомившись, взялись за работу.

Грузовик, покрытый кляксами грязи, по вязкой, местами заснеженной дороге повёз нас вверх, в посёлок Тикси-3. Вскоре мы остановились у капитального одноэтажного барака – административного корпуса экспедиции сто двадцать три. Он располагался на возвышенности, и отсюда открывался вид на морской, ещё покрытый льдом и снегом, залив, на аэропорт и вольное поселение с метким прозвищем «Шанхай».

Нас встретил главный инженер – Володя Бирюков. Мы поздоровались, и он показал нам помещение для хранения аппаратуры, а затем направил к завхозу для получения спальников, разборных панцирных кроватей, посуды и дров. После недолгой примерки мы обзавелись телогрейками, ватными штанами и сапогами.

Погрузив в машину полученное снаряжение, дрова и молочные крынки для воды, выехали к небольшому балку, расположенному в Шанхае. Так называли здесь пёстрый квартал самостроя, возведённый полярниками и бичами возле аэропорта, – отныне наш дом в Тикси.

Эти жилище напоминало домик на пригородных участках. Для его постройки были использованы самые разнообразные и подчас нелепые материалы: брус, доски, ящики, фанера, оцинкованное железо, рубероид, обломки самолёта, секции забора и множество другого разношёрстного и разноцветного хлама и неликвидов, принесённых с ближайших свалок.

Архитектура проста: двойные стены – это основное! Пространство между внешней и внутренней обшивкой набивали всем, что держит тепло: стекловатой, войлоком, старыми матрасами, спальниками и телогрейками, древесной стружкой и сухой травой. Хорошо подогнанная входная дверь и пара окон дополняли внешний облик.

Внутреннее пространство чаще всего состояло из одной комнаты, в центре которой царил «буржуйка». Обычно печь была сварена из листовой стали. Она обогревала, на ней готовили, сушили портянки и вареники. Труба выходила в отверстие крыши, обильно замазанное глиной или асбестом.

В нашем балке стоял тяжёлый стол, сколоченный из грубых досок, возле него – две лавки и несколько стульев у стен. Мы собрали панцирные кровати: пошире – для астрономов, обыч-

ные – для нас с Саней. Сверху бросили матрацы, спальники и подушки. Возле домика обитали кóзлы и колóда для заготовки дров, а чуть поодаль возвышался дачный клóзёт.

Две керосиновые лампы освещали стол поздним вечером, когда солнце тонуло в ледяном океане. При их мерцающем желтоватом свете можно было работать, читать и писать первые письма домой.

Все балки́ в Шанхае были поставлены под разными углами, никакого намёка на привычную застройку посёлков – это напоминало брошенные на стол камни домино: как упали, так и лежат! Не было ни улиц, ни переулков; идти приходилось по извилистым дорожкам и тропам, однако жилища геодезистов и охотников чаще всего располагались на первой линии вольного квартала, что обеспечивало подъезд автомобилей и вездеходов.

А в глубине жили «бичи». Бич – Бывший Интеллигентный Человек, как трактовалось это слово в конце шестидесятых – начале семидесятых, когда многие истинные советские интеллектуалы, обманутые «хрущёвской оттепелью», рванули на вольный Север. Здесь возникла особая каста Заполярья.

Они влачили полуголодное, но свободное существование, кормились на такелажных работах, ремонте автомобилей, вездеходов и самолётов, впрочем, как и на любой другой шабашке. Их жилища не имели деталей мещанского уюта, они были собраны из свалочного мусора, но среди этих людей царил свой строгий кодекс чести и взаимовыручки. Они напоминали недавних политэзков.

Кстати, истинные корни слова «бич» приводят в Британию. Beach – пляж, берег. Есть известное выражение «to be on the beach». Так говорили о моряках, по разным причинам оставшихся на берегу, не ушедших в плаванье. А называли этих людей beach; вероятно, самый точный перевод слова – «смотрящий на море»...

Через портовые связи и беспроводной морской телеграф это слово достигло России, а затем перекочевало на Север.

Да и сам Шанхай был не просто заполярной слободкой – это был особый пласт северной жизни, рождённый экстремальными условиями Арктики и стремлением людей к свободе. Суровый, брутальный, но пронизанный своеобразным братством и романтикой вольного существования на самом краю земли.

Впрочем, помимо романтиков и изысканных интеллектуалов, здесь по-крупному, с жестоким мордобоем, резались в карты; летом пьянствовали промысловики в компании спившихся геодезистов и отставных военных; здесь зарабатывали на пищу и водку якутские проститутки самого разного возраста и степени падения; нередко в Шанхае находили приют отчаянные уголовники и рецидивисты...

Ночью в кривых проулках забытого властями посёлка ходить одному было опасно. Шанхай, словно восточное царство, предъявлял полную палитру жизни: от обеспеченности фартовых охотников до смертельной бедности алкашей; от благородства и романтики до низости и жестокости!

Первые дни нашей жизни в Тикси зима ещё цеплялась холодными когтями за мёрзлую землю: то тут, то там лежали грязные сугробы, которые, постепенно тая, уменьшались с каждым днём и перемещались в тень балков, иступлённо борясь за жизнь.

Всё остальное пространство мрачных проулков было покрыто грязью, перемешанной с мусором и отвратительными бытовыми отходами, которые днём, пригретые лучами ещё боязливого солнца, издавали тошнотворный запах. Добавьте ещё вонь от парáши, ведь в суровые зимние месяцы пользовались ей в углу балка́ и опорожняли тут же у двери; туда же выплёскивались и помойные вёдра из-под умывальников.

Ещё более поразительную картину мы увидели в центральной части Тикси-3. Основные строения здесь – это двух- и трёхэтажные бараки.

Проходя по одной из улиц, мы издали увидели высоченные ледяные сталагмиты, поднимающиеся от земли до третьего этажа. Они были желтоватого оттенка, но издали выглядели сверкающе красиво. Подойдя ближе, мы были поражены: из квартир всех этажей под углом сорок пять градусов, метра на полтора от стены, ниспадали четырёх-пятидюймовые трубы, и именно к ним тянулись ледяные колонны. Вскоре мы почувствовали нестерпимое зловоние, идущее от этих конусов.

Нам объяснили, что во многих домах до сих пор вода из раковин, душевых кабин и даже канализационные отходы сливаются через эти трубы на улицу. В морозные зимы полярники посмеивались над ледяными колоннами, но с приходом весны они начинали таять и жутко смердеть.

Вероятно, так благоухали средневековые города.

Нам рассказали, что через пару недель в Тикси, включая Шанхай, будет организован субботник по уборке территорий. Администрация посёлка выделяла вездеходы с волокушами, выдавала тачки и шанцевый инструмент. Жителей не надо было убеждать – это давняя традиция: никому не хотелось жить среди зловонных отходов. Северяне дружно трудились, а затем лихо отмечали день труда и наступившей чистоты.

Когда мы вновь оказались здесь в конце августа, то посёлок был чист и ухожен.

Возле нашего балка всё было убрано: то ли предыдущие жильцы потрудились, то ли руководство экспедиции озаботилось. Да и возле других строений первой линии было относительно чисто.

И всё-таки в Тикси-3 было здорово, необычно и колоритно. Почти каждый день мы ходили в центральную часть посёлка, расположенную на пологой сопке. Здесь свободно вышались деревянные двух- и трёхэтажные бараки. В отличие от Шанхая, они выстроились вдоль улиц.

Весной по ним сновали вездеходы и «газики», а вот люди ходили по массивным деревянным коробам водоснабжения, которые создавали целую пешеходную сеть, покрывшую весь посёлок. Были здесь и перекрёстки, и переулки, и даже тупики. Эти деревянные мостовые парили над землёй на высоте около двух метров.

Время от времени к ним поднимались деревянные пандусы, сколоченные из толстых досок и укреплённые поперечными рейками, которые, словно ступеньки, помогали пешеходам подниматься на это чудо арктического градостроения и спускаться с него. Я сразу вспомнил замечательную песню Александра Городницкого:

А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы...

Да, это те самые деревянные города, и мостовые здесь скрипят, как половицы. Отсюда сверху были отлично видны аэродром, воинская часть, здание экспедиции и морской залив, ледяной покров на котором уменьшался с каждым днём, ведь весна в этом году была необычно тёплой и солнечной для Тикси.

На окнах домов то тут, то там висели странные диски, занимающие всю их высоту. Вскоре короб вплотную подошёл к одному из барakov, и мы увидели, что это вялилась странная рыба, напоминающая огромную камбалу. Позднее нам объяснили, что это распластанная нельма, пожалуй, наиболее драгоценная рыба Арктики. Попробовать её нам удалось только через много месяцев.

Почти каждый день мы ходили в Тикси-3, где располагалось несколько продовольственных магазинов, лавки инструментов и скобяных изделий. Здесь докупили тяжёлые продукты, которые не потащили из Москвы: соль, сахар, муку, клюквенный кисель в брикетах и коробки

сухого компота; приобрели топоры, кувалды, лопаты, кирки и пёшны; обзавелись двуручными пилами и ножовками.

По просьбе Аркадия разыскали мастерскую, где нам приварили металлические ручки из обрезков труб к части инструментов для прочности и долговечности.

Как-то утром мы проснулись от громкого позвякивания окон. Они звонко тарахтели под порывами сильного ветра. Астрономы ушли очень рано, не беспокоя нас. У них были срочные дела в экспедиции. Ещё вчера нам поручили купить два ящика гвоздей.

Ветер на улице был силён и плотен, на него можно было лечь и планировать навстречу воздушному потоку, передвигаясь пешком.

Казалось, стоит распахнуть штормовку и слегка подпрыгнуть, как ветер унесёт тебя, словно детский змей с ногами вместо хвоста, сделанного из мочалки.

Его скорость оказалась более двадцати метров в секунду. Кое-как мы добрались до центральной части посёлка, но здесь не решились подняться на деревянный короб, а пошли по грязи, как и подавляющее большинство пешеходов. Все понимали, что штормовой ветер сдует смельчака с двухметровой высоты и бросит наземь.

Добравшись до скобяной лавки, мы купили два дощатых ящика гвоздей. Каждый весил более тридцати килограммов. Взвалив их на плечи, вышли на улицу.

Идти по грязи было так тяжело, что решили подняться на деревянную мостовую. Направились в сторону «Шанхая», придавленные неподъёмной тяжестью к доскам пешеходного короба.

Штормовой ветер был не в силах сбросить нас с дощатого постамента, и мы медленно продвигались к дому.

Навстречу нам неуверенно, еле удерживаясь на широко расставленных сильных ногах, шёл полярник, укутанный густой чёрной бородой, со связкой половых досок на плече. Штормовой ветер был в шутилом расположении и, постоянно вращая доски вокруг вертикальной оси, пытался превратить измученного человека в вертолет и отправить в ненастное небо.

Разминувшись с ним, уже через мгновение мы услышали отчаянный вопль падающего с высоты человека, грохот досок и филигранный мат бывалого северянина. Обернувшись,

ничего не увидели. Место падения перекрывала деревянная мостовая. Зато мы услышали обеспокоенные голоса подбежавших жителей посёлка и крики пострадавшего:

– Нога, бл...ь, нога!

– Скорую вызывайте! Кой чёрт тебя на короб понёс?

– Да как же я по грязи с такой тяжестью попрусь???

И тут мы услышали раздирающий душу звук сирены – оповещение о шторме! Сразу стало неуютно и тоскливо. Вероятно, это отзвуки генетической памяти народа, пережившего страшную войну. После нескольких отчаянных завываний всё стихло, и только ветер гудел, словно гонимый лопастями вертушки.

Аркадий с Наташей вернулись от начальника экспедиции с долгожданными новостями: наконец-то согласован пункт, который мы будем наблюдать. Расположен он в дельте Лены, на острове Аргá-Муóбра-Сйсе, возле берега морского залива Салá-Кюéль, окружённого песчаными барханами.

Место это охотники и геодезисты называли попросту – «Сала» и тепло отзывались о нём – обилие рыбы в заливе и много дичи в близлежащих мерзлотных озёрах, да и олени его нередко навещают.

В двадцати километрах от нас будет базироваться Миша Фишер, наш старший коллега.

Штормовой ветер не стихал – с разрешения Наташи курили в избе.

Все очень устали и, наскоро поужинав, завалились спать, погрузив во тьму скупую комнату балка, привычным поворотом маховичков керосиновых ламп.

Мне снилось безбрежное тёплое море, сонно дышащее оранжевой гладью, а гигантский остывающий диск солнца неслышно погружался в нежную пучину.

– Ребята, пожар! Вставайте быстро! – перепуганный высокий голос Наташи скинул нас с кроватей. Через маленькие оконца мы увидели близкий пожар: хищные языки пламени неистово бились под напором шторма. К счастью, ветер дул от нас и сносил огонь, искры и горящие головёшки на другой балок.

Стремительно одевшись, мы выскочили на улицу Шанхая. Здесь уже стояло несколько человек – жители соседних времянок. Объятый пламенем домик находился на первой линии напротив нас. Пока мы добежали до пожара, в глубине вспыхнул второй балок, будто бумажный домик, сложенный любителем оригами. Пламя мгновенно объяло всю постройку... Мы бросились к окну балка, но в это мгновение его вынесли изнутри ударом тяжёлой лавки. Человек в исподнем вывалился из окна и вновь бросился к нему, помогая товарищу покинуть горевшее здание.

Оказавшись на улице, полярники кашляли, задыхаясь, и судорожно хватались руками за горло.

– Там никого нет? Вас двое? – спросил кто-то из подбежавших жителей окрестных балков.

– Не, двое нас, – сказал один из них, и глаза его сверкнули неожиданным сумасшедшим счастьем: – Каким-то чудом проснулись... Эх, церкви нет, а то бы свечку поставил...

Меня поразило, что он не причитал о сгоревших вещах, а возможно, и документах – он радовался продолжению жизни, которая едва не оборвалась в эти минуты. Эх, все бы так...

Подъехала «буханка»¹⁶ с красным крестом – «скорая помощь». То ли врач, то ли фельдшер командным голосом заорал:

– Эй, ребята, вы, которые в рубашке родились, быстро в машину! Столько гари наглотались, а теперь босиком по ледяной грязи ползаете! Да залезайте вы! Или на материк захотели?

Внимательно присмотревшись, я различил военную форму под халатом врача. «Скорая» из воинской части – вот откуда этот командный голос!

¹⁶ «Буханка» – это народное прозвище автомобиля УАЗ-452.

Со стороны аэродрома подлетела пожарная машина на базе ЗИЛ-130 с надрывной сиреной. И в этот момент вспыхнул третий балок, но брандспойты уже поливали его с подветренной стороны, а подъехавшая следом вторая «пожарка» начала заливать вспыхнувшую стену этой постройки.

Два первых домика принесли в жертву богу огня Агни.

Могучее, неукротимое пламя металось над ними. Это было страшное, но неизъяснимо влекущее представление – оно завораживало.

Очень давно, в детстве, в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, я впервые увидел большой пожар.

Было это на Фрунзенском плаце в Хамовниках. В это время началась капитальная перестройка района и прокладка Комсомольского проспекта как раз на месте плаца. Наша семья жила в Хамовнических казармах, в доме двадцать.

Напротив проходной располагался открытый конноспортивный комплекс, сразу за ним возвышалось здание Большого Манежа (теперешний спорткомплекс ЦСКА), а чуть дальше и левее – Маленький Манеж. Все эти сооружения предназначались для тренировки военных конников, живущих в нашем городке и руководимых отчаянным рубакой – Михаилом Будённым. Вероятно, именно отсюда берёт корни насмешливое прозвище футбольных и хоккейных команд ЦСКА – «Конюшня». Чуть правее нашей проходной недавно выстроили ряд двухэтажных барачков для проживания строителей (лимитчиков) новой магистрали.

И вот здесь, в одном из строений, летним вечером вспыхнул неистовый пожар, ненасытный и мгновенно пожирающий всё вокруг.

Родители, выбежав посмотреть, взяли и нас со старшим братом.

Я уже поужинал, и меня тянуло в сон, но увиденное тотчас пробудило меня. Ничего подобного я не видел; наблюдал, конечно, пламя костра, огонь в печи, но такого даже и представить себе не мог. Это зрелище было под стать страшным явлениям стихии: извержению вулкана, цунами и землетрясению.

Пламя, выплёскиваясь из окон здания, издавало оглушительный, грозный гул, как огромный мощный водопад, на могучей реке.

И всё же это было удивительно притягательное зрелище, страшное и манящее, словно обрыв бездонной пропасти или край платформы перед подходящим поездом! Там – гибель, но непреодолимое желание тянет и тянет на это тончайшее остриё жизни... Ты словно хочешь нащупать и познать эту загадочную границу бытия...

Пожар, будто разъярённый хищник, вырвавшийся из клетки, охватил всё здание. Огненный вихрь бушевал перед нами: гул огня, треск сгорающего дерева, оглушительная пальба горящего шифера, женские крики, причитания и отчаянные вопли. Этот барак был женским общежитием.

Я всё время пытался продвинуться вперёд, но нестерпимый жар и крепкая рука отца удерживали меня на месте.

Ненасытное пламя охватило ещё одну секцию постройки, и в этот момент наверху, на втором этаже, со звоном разбитого стекла грохнуло распахнутое окно, и оттуда с отчаянным воплем, взявшись за руки, выпрыгнули две девушки, словно ведьмы из преисподней. Они были в белых ночных рубашках, уже тронутых огнём; их распушенные волосы сыпали искрами и дымились. Всё это предстало передо мной в ужасающем рапиде, позволяющем рассмотреть мельчайшие детали. Девушки были босые, но на одной из них был надет розовый носочек – почему-то один...

Люди бросились к девушкам; их громкие возгласы, крики и рыдания перекрыли sireны пожарных машин и «скорой помощи».

– Как же долго они ехали, – подумал я о пожарных, – ведь служат в соседнем военном городке?

Мощные струи воды пронзили разгулявшееся пламя – повалил пар и раздалось злобное шипение отступающего огненного змея.

– Домой, – сказала мама, и мы, оборачиваясь на каждом шагу, неторопливо двинулись к проходной.

«Рождённых в рубашках» полярников увезла «скорая», а огонь стихал под натиском брандспойтов. На следующий день мы узнали, что обитателям первого загоревшегося балка не удалось выбраться из пожара – они погибли. С них-то всё и началось. Это были охотники-промысловики, вернувшиеся несколько дней назад из зимовья с богатым уловом песцов.

За день до пожара они сдали шкурки и, купив ящик водки, сели пьянствовать. Пожарные рассказывали, что, вероятно, кто-то из них опрокинул керосиновую лампу, а выбраться сил не было. Вот он какой бывает охотничий фарг!

В экспедицию мы приходили часто, почти ежедневно: увидаться с коллегами, пообщаться с начальством – все мы ждали заброски в поле.

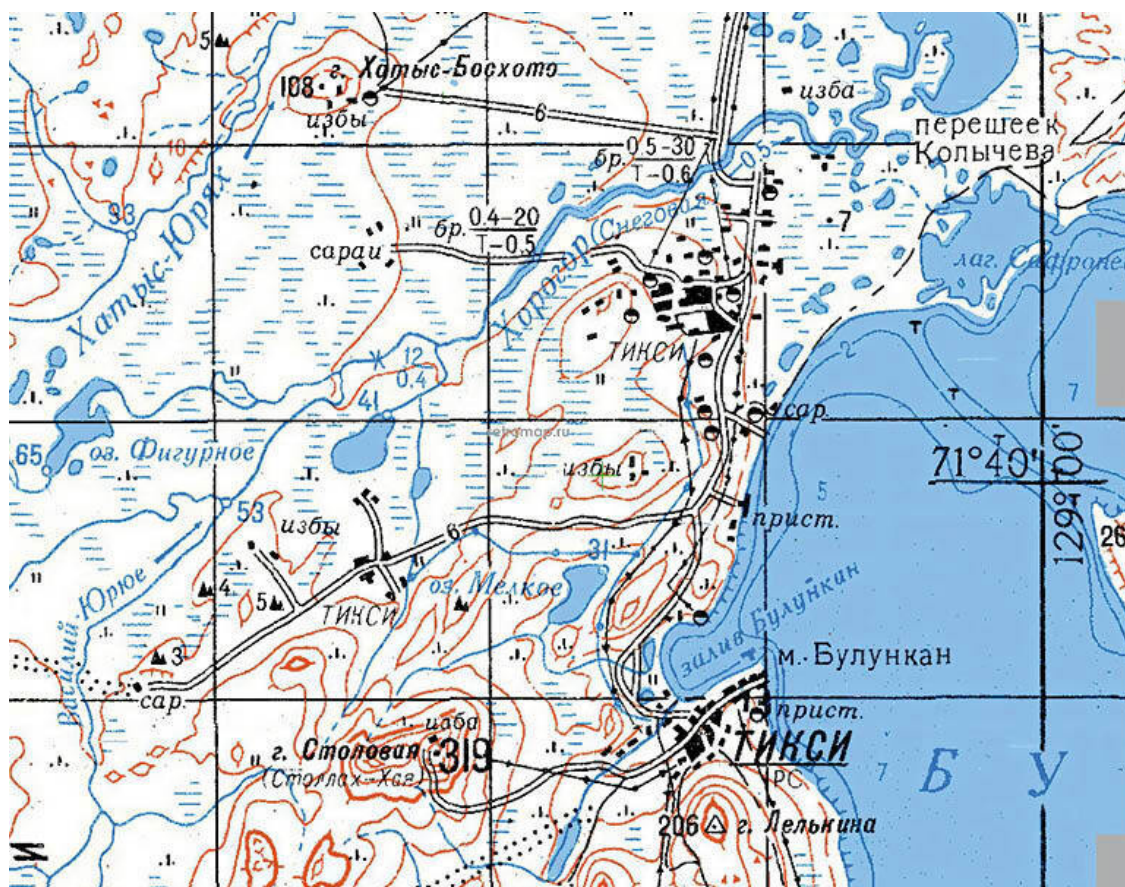
Возле одноэтажного здания администрации располагались склад и лесопилка. На складе мы обзавелись необходимым экспедиционным снаряжением, а на лесопилке получали брус, доски и фанеру для постройки палаток, антенны и городни.

В один из дней кто-то рассказал нам, что сегодня состоится долгожданная премьера советского сериала «Семнадцать мгновений весны». Я не читал Юлиана Семёнова и ничего не знал о первоисточнике, а Тёса был хорошо знаком с творчеством этого писателя и обрадовался, узнав о премьере.

Вечером все собрались в небольшом зале у огромного чёрно-белого экрана. Я очень редко смотрел телевизор, так как у нас дома его не было. И только когда я женился, да старший брат покинул отчий дом, родители приобрели небольшой «Рекорд».

Фильм всем понравился, и отныне вечерами мы собирались у «голубого» экрана, наблюдая за удивительными приключениями Штирлица и его главного соперника в гениальном

исполнении Леонида Броневого. Пожалуй, только это и могло скрасить невыносимое ожидание заветного борта.

Через несколько дней Фишер пригласил нас с собой в портовый посёлок Тикси-1. Миша договорился с главным инженером, и нам дали ГАЗ-69 с водителем на весь день. Более того, он выклянчил у Володи Бирюкова несколько талончиков на дефицитные товары в портовом магазине. С утра пораньше мы уселись в арктического «козла», и вскоре он, отрабатывая своё прозвище, запрыгал по неровностям дороги, ведущей в морской порт. Весь путь был не более семи километров.

Вначале трасса петляла по склону пологой сопки, а затем начался извилистый спуск. Неожиданно водитель притормозил и обратился к нам:

– Вот все спрашивают, почему есть Тикси-1 и Тикси-3, а где же Тикси-2. Да вот и Тикси-2 – это наше кладбище!

Вид некрополя всегда навевает думы о бренности человеческой жизни, особенно здесь, в Арктике, где нередко она обрывается внезапно, за считанные секунды, не давая времени принять смерть и проститься с близкими...

Покурив и издали посмотрев на заполярный погост, мы тронулись дальше.

Миша завёз нас к своим старым знакомым, работникам порта. Сегодня у них был выходной, и два крепких тридцатилетних мужика не спеша выпивали. Семейная жизнь у обоих осталась за бортом, и как-то сложилось, что уже несколько лет они жили в одной квартире на первом этаже с видом на море и прекрасно ладили: общая работа, общие друзья, общие увлечения, а подчас и общие подружки.

Ребята обняли Фишера, помяв ему бока, и тепло поздоровались с нами. Мы познакомились: бородатого блондина звали Лёхой, а начинающего лысеть брюнета с ухоженной эспаньолкой – Димой. Приветливые, хорошие лица...

Наскоро выпив с ними по рюмке и закусив малосолкой, мы отправились в портовый магазин, где постоянным жителям посёлка был открыт доступ в особую секцию универмага. Здесь были представлены дублёнки и шубы, пыжиковые и ондатровые шапки, женские и мужские итальянские сапожки и многое другое, что в Москве можно было купить только в заветной «Берёзке» на чеки Внешпосылторга.

Нас с Тёсой всё это мало интересовало: цены были самые обычные, то есть высокие. Интересно было только наличие этих супердефицитных товаров здесь, на краю света. Но Наташа запала на дублёнку и красивые сапожки, да и Мише надо было купить подарок жене.

Ребята остались в магазине, а мы, побродив по портовой набережной, вернулись к гостеприимным тиксинцам.

Полярники искренне обрадовались гостям и стали всерьёз собирать на стол. Картошка в мундире была уже сварена и дышала ароматом деревенской избу, красивые ломти мяса, благоухая, мариновались в миске.

– Давай закуску хорошую сделаем – сагудай! – предложил Лёша.

– А это что такое? Из чего? – недоумённо спросил я.

– Да это лучше малосолки будет, вот увидите!

Тиксинцы сняли с подоконника красивого чира, недавно принесённого рыбаками. Быстро разделав рыбу, Дима нарубил свежее мясо маленькими кубиками. Порезав зелёный лук, черемшу и укроп, отправил всё вместе в эмалированную миску. Крепко посолив и поперчив содержимое, он, помешивая его ложкой, обильно полил столовым уксусом.

Кусочки рыбы сразу покрылись белым налётом, словно инеем, – это уксус мариновал нежнейшую сырую рыбу. Помешав закуску ещё пару минут, Дима пригласил всех к столу:

– Вот и сагудай подоспел!

Лёша поставил на стол бутылку водки и стопки, но затем передумал:

– Предлагаю под такой закусон спиртяшки треснуть. Вы как? – обратился он к нам.

– Спирт мы пили, правда, водой запивали...

– Под сагудай вода после спирта не требуется. Другое дело перед спиртом пару глотков сделать – это стоит, – заметил Дима. – Самое главное: не вдыхай, а сразу ложку закуски вдонку. Надеюсь, Северный закон освоили? Каждый наливает себе сам!

Сагудай оказался божественным, а ведь это почти сырая рыба... Ожидая астрономов, мы неспешно выпивали и закусывали, затем поспело горячее – и мы ушли на новый виток...

Ребята рассказывали об арктической жизни, поведали, что оба ходили на судах, но затем решили осесть в посёлке. Уже несколько лет работают в порту Тикси. Они называли свой посёлок Тикси́, вероятно, чтобы подчеркнуть свою полярную исконность. Нас с Саней посадили за длинную сторону стола, напротив окна, за которым перекачивались серые ледяные валы, а сами заняли места вокруг нас на торцах. Разговор оживлялся, и пришло время полярных баек, когда никто не может определить, что правда, а что вымысел.

Первым начал Лёша:

– Давненько это было. Я ещё мб́ря не видел, осел после армии на юге Якутии, в посёлке Чернышевский, работал на лесозаготовках. Летом все выходные проводили на Вилуйском водохранилище – рыбачили и охотились. В приятелях у меня был владелец хорошей скоростной лодки с двумя «Вихрями» – Коля Копылов. Рыбачили мы чаще всего в бухте Пятипалой, там больших островов много, а возле них рыбы полно. Да и людей немного – далековато от всех посёлков.

И вот как-то раз помчались мы с ним к любимым местам. Проходим мимо большого лесистого острова, а Коля и говорит мне: «Давай-ка я тебе чудо покажу – вовек не забудешь!»

Причалили мы к берегу и пошли пешком вглубь острова. Поднялись на сопку, а там сосна стоит, будто рогатка, а точнее, хомут перевёрнутый («Лира», – подумал я), мощная, но низкорослая и ветвистая... Вот Копылов и показывает на неё:

– Посмотри, что на дереве висит?

Смотрю, а там, как раз в рогатине, торчит лодка – «Прогресс»!

Высоты до неё – метра три, не меньше!

– И как же она попала туда? – изумился я.

– Жили у нас в посёлке два брата – не разлей вода: вместе работали, охотились и рыбачили тоже вдвоём. Как-то пошли они на своём «Прогрессе» сети проверить. Погода тихая, мотор еле стрекочет – отдыхают. Вдруг видят: перед ними сохатый плывёт – загребает себе, не торопится. Лось огромный, одни рога чего стоят, но как его взять-то. А ведь до берега доплывёт – поминай как звали...

Тут один из братьев сообразил и стал чальную цепь ему на рога кидать, а второй подруливает. Наконец цепь за рога зацепилась – как раз возле острова – ну, братья обрадовались: какая добыча, без единого выстрела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.